

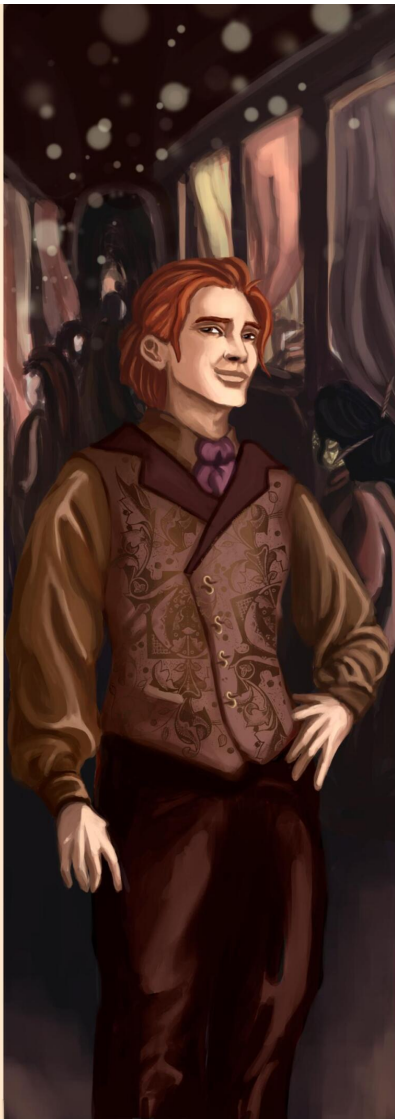
Реброва Алена

Легенда
из
подземелий

Книга четвертая

2023

Алена Дмитриевна Реброва

Легенда из подземелий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40987251

SelfPub; 2023

Аннотация

"Глубинный Демон" вынес путников к берегам тихой и изысканной жизни. Трехполье, город, где чудовища встречаются только на сценах театров, распахнул свои объятия для измученных героев. Арланду больше нечего бояться, Бэйр давно пора отправиться в академию, а талантам Леопольда – получить признание среди людей самого тонкого вкуса. Счастливое будущее звало и манило... Но незаконченные дела не любят оставаться забытыми. Одна за другой у героев появляются тайны друг от друга: прошлое с грязными пятнистыми крыльями преследует каждого из них и витиеватыми дорогами ведет глубоко под землю, прямо к концу истории.

Содержание

Счастливы в Трехполье	4
Новые друзья Леопольда	4
Академия	62
Еще один жилец	128
Темная сторона города	163
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Алена Реброва

Легенда из подземелий

Счастливы в Трехполье

Новые друзья Леопольда

Лекои Опоаль Л диэн

Настали хорошие дни. Нас вела хорошая погода и очень скоро мы оказались в Агираде, а он, если верить буклетом, был лучшей страной во всем Скаханне.

Мне было печально расставаться с морскими животными, особенно с дельфинами, – они живут совсем не так, как как звери на земле и в небе, мне будет сильно не хватать их благодушия и беспечности. К тому же, мне предстояло снова сесть на лошадь, и, сойдя с трапа, я чувствовал себя совсем не таким счастливым, как ожидал.

Мы провели в портовом городе пару недель до тех пор, пока Арланд не передал суду белых сов все сведения о «Глубинном демоне». Команда моряков, освобожденная от демона, была заключена под стражу, но потом их вроде бы отпустили, заставив ежемесячно приходить в Орден и рассказывать, как хорошо они себя вели. Корабль, кажется, достался

Ордену, и на этом дело было закончено.

Вся эта история стала большой новостью, о ней подробно писали в каждой газете... только вот писали не совсем правду. Арланд сказал, что не стоит Ордену знать, что я могу превращаться в гигантского морского дракона, а Бэйр не захотела «публичности», как она выразилась, потому везде было написано, что Арланд справился со всем один и это сделало его кем-то вроде героя. Его даже узнавали на улицах!

Наверное, если бы меня стали незаслуженно хвалить, мне было бы очень стыдно, но братец просто светился от радости. Не помню, чтобы видел его когда-нибудь таким счастливым.

– Пойми, для него это большой шаг, – сказала мне Бэйр, когда я поделился с ней своими мыслями. – Он чуть не потерял все тогда в лесу, но смог вернуться к той жизни, ради которой так много работал. Самый большой его страх почти сбылся, но мы вместе все преодолели, и теперь все так хорошо... Понимаешь?

Я не понимал, но спорить не стал. С тем, что все хорошо, я тоже не мог согласиться: мы по-прежнему жили в гостиницах и никаких планов кроме как следовать за его высочество Арландом у нас не было.

Впрочем, свое недовольство я держал при себе. Однажды я уже дал волю злым чувствам и ничего хорошего из этого не вышло. Я быстро учусь.

Когда суд закончился, Арланду дали хорошее назначение. У одной очень влиятельной семьи на востоке страны случи-

лось несчастье, и Орден направил к ним свою главную знаменитость, чтобы, как объяснила Бэйр, выразить этой семье свое уважение.

Что ж, теперь нам предстояло отправиться в один из крупнейших городов Агирада, находящийся на восточной границе с лесами диких леннайев. Добраться туда можно было на лошадях, но тогда мы бы потратили на путь целый месяц, поэтому задумались о том, чтобы путешествовать на пароходах по рекам или на поезде.

Бэйр, когда узнала о том, что в нашем мире есть поезда, работающие на магии, была без ума о счастья. Она так рвалась на вокзал, что Арланду ничего не оставалось, кроме как раскошелиться на три билета для нас и три для лошадей. Я тоже раньше никогда не видел поездов, но мне идея ехать внутри громающего металлического монстра нравилась совсем не так сильно, как Бэйр, приходящей в восторг от всего механического.

Два дня в тесной комнатухе с окном за шторками были похожи на заключение в темнице, только хуже! В Ордене меня хотя бы кормили как следует, а тут давали только дешевую походную еду, просто счастье, если на немногочисленных остановках удавалось выйти и купить подсохших на ветру пирожков. К тому же, я все это время не мог превращаться, потому что держать животных в купе было запрещено, а лететь за вагонами я не успевал.

Как говорил один ишимерский мудрец, все в этом мире

заканчивается, и, к счастью, поездки на поездах тоже. В середине второго дня мы вышли на станции в городе со странным названием Трехполье.

Этот город разительно отличался от всех мест, которые мне доводилось видеть прежде. Дома здесь были крепче и выше, их украшала лепнина, улицы вымощены узорами из кирпича, на бордюрах ни единой трещинки, фонтаны, статуи на многочисленных мостах и очаровательные торговые лавки с изящными надписями прямо на окнах.

– Ба, да мы в Петербурге! – воскликнула Бэйр, озираясь по сторонам. Мы шли от вокзала к гостинице, ведя за собой лошадей с поклажей, и она все это время не переставая крутила головой. – Я будто дома!

– Так выглядит место, где ты жила? – удивленно спросил Арланд.

– Не совсем так... но есть районы в некоторых городах, где очень похоже, – ответила она, сворачивая шею за парой прохожих.

Это были мужчина и женщина, оба были одеты довольно необычно: женщина в тяжелом расшитом сарафане и легком кафтане с меховой оторочкой, на ее голове платок, стиснутый на лбу обручем. Мужчина был одет на похожий манер, только вместо сарафана широкие штаны из плотной дорогой ткани. Он носил аккуратную подстриженную бороду и волосы, отстриженные ровно по уши.

Они тоже смотрели на нас удивленно, наверняка наша

одежда показалась им не менее странной, а когда заметили взгляд ведьмы, ускорили шаг и очень быстро скрылись в переулке.

– Странные они здесь какие-то, – подвела итог Бэйр, пожав плечами и продолжив путь.

Люди в Агираде имели свои отличия. Если в Рашемии мне попадалось множество русых и светлоглазых, а в Тангейе почти у всех были темные глаза и прямые каштановый волосы, как у Дейка, то в Агираде люди оказались зеленоглазыми, со слегка вьющимися волосами светло-коричневого цвета. Женщины низкого роста, с овальными пухлыми лицами и тонкими вздернутыми носами, обсыпанными веснушками. Мужчины тоже низкие, коренасты, с тонкими сторбленными носами, низкими широкими лбами и узкими и длинными подбородками, многие носили густые красиво подстриженные бороды. Мне они все казались очень красивыми.

И вот, снова гостиница. Одно хорошо: в гостиницах, которые выбирал Арланд, всегда имелись слуги для ухода за лошадьми, и нам с Бэйр не нужно было после дороги возиться в конюшне, как было всегда.

Вместо того, чтобы снять одну большую комнату на троих, Арланд зачем-то снял три разные комнаты, что выходило намного дороже. Когда я предложил пожить с Бэйр, чтобы сэкономить, ведьма замаялась, а потом сказала, что не дело нам спать вместе, раз теперь мы не жалеем денег на комфорт.

Моя комната была просторная и по-своему красивая, но

слишком пустая для места, в котором можно долго жить. Одному мне в ней быстро стало одиноко, и я вышел вниз поужинать.

Ни брат, ни Бэйр все никак не спускались. Я поел в одиночестве, а потом поднялся и постучался к ведьме. Мне никто не открыл, зато почти сразу по коридору разнесся ее громкий смех... идущий из комнаты Арланда.

– Чего ты хотел? – спросил братец, приоткрыв дверь совсем на чуть-чуть, будто не собирался ни выходить ко мне, ни пускать меня внутрь.

– Мне скучно, – сказал я, без труда заглядывая в комнату поверх его головы. Высокий рост дает свои преимущества.

Я разглядел тележку с серебряными блюдами, на которых еще виднелись остатки ужина, бутылку шампанского, пирожные и корзинку с фруктами.

– А меня позвать не хотите!?! – возмутился я. – По какому поводу праздник?

– А я говорила, что он обидится! – заметила Бэйр из глубин комнаты. Она сидела в своем лучшем платье, которое они купили с Кудеяром, и волосы у нее были завиты. Подойдя к двери, она оттолкнула Арланда бедром и выступила вперед. – Прости, Лео, мы увлеклись. Понимаешь, у нас почти нет возможности побыть вдвоем, и...

– То есть мне вам не мешать?

От этих слов мне самому стало грустно и холодно, и Бэйр изменилась в лице. Она сделала шаг ко мне и протянула ру-

ки, чтобы увести меня в их комнату на этот праздник непонятно чего, но я отошел назад.

– Я лучше пойду погуляю, – сказал я, честно стараясь, чтобы голос не звучал так сердито, но ничего у меня не вышло. Я злился на них, и они это понимали.

За мной никто не пошел, я только слышал, как Арланд пробормотал что-то невнятное вернулся в комнату, закрыв дверь.

Передевшись в свою лучшую городскую одежду, я вышел из гостиницы и отправился на прогулку вдоль просторных городских улочек.

Лето уже заканчивалось и стемнело достаточно рано, зажглись красивые кованые фонари, и новый город в их свете стал еще необычнее. Прохожих мне почти не попадалось: видимо, в этот вечер у всех, кроме меня, имелись какие-то свои дела. Только изредка мимо проезжали черные экипажи, запряженные породистыми лошадьми, иногда – открытые повозки с дамами в богатых сарафанах и легких шубках. Все они куда-то спешили, наверное, к друзьям или семье.

Поскольку людей и интересных животных мне не попадалось, я разглядывал дома. Двери в подъезды больших домов, – днем Бэйр назвала их многоквартирными, – были строгие и однообразные, но вот отдельные дома, принадлежащие одной семье, хозяева старались украсить. Например, тут везде были очень необычные двери и на каждой непременно находилась вывеска с гербом и фамилией семьи или

на худой конец с эмблемой живущего тут ремесленника.

Я прошел вдоль улиц, несколько раз сворачивал в переулки и вдруг вышел к парку. Деревья с жесткими листьями, ветвистые кусты, яркие магические свечи за мутными стеклами металлических черных фонарей... пространство было наполнено мрачной одинокой грустью, и это мне откликлось.

Мне встретилась одна из лавочек вдоль тропинки, и я решил немного посидеть, поразмышлять, поглазеть на прохожих, если такие вдруг появятся.

Хотя я старался не расстраиваться, мысли все равно находили дорогу к болезненной теме, и в конце концов я стал думать о себе и о тех двоих, что решили провести наш первый вечер в этом городе без меня.

Самое обидное было то, что я все понимал и мысленно уже простил их, но лучшего от этого мне не становилось. Это были новые, сложные чувства.

Наверное, Бэйр могла бы влюбиться в кого-нибудь получше, я ей это даже сказал, когда впервые увидел их с братцем на корабле. Поначалу мне было ее жаль, потом стало жаль, что она стала отдаляться от меня и больше времени проводить с ним. А потом я понял, что все это было неизбежно, что на месте Арланда мог оказаться кто угодно, и, так или иначе, непременно настал бы день, когда я вот так буду сидеть на лавке в одиноком парке и грустить, потому что в этот вечер у моего единственного друга нет на меня времени.

В конце концов я пришел к тем же мыслям, какие уже посещали меня несколько месяцев назад: у меня не было занятия, как у Арланда и Бэйр, у меня не было знакомых, кроме них, и не было никакой большой цели. Я, словно сувенир на память, привязанный к седлу, еду туда же, куда и они, просто потому что больше мне ничего не хочется. А им теперь часто хочется быть вдвоем, без меня, и я ничего с этим не сделаю.

Тяжело вздохнув, чтобы не позволить слезам сдавить горло, я упер локти в колени и стал внимательно рассматривать узоры из камней на дороге. Помогло.

Неподалеку раздались неторопливые женские шаги. Звук приближался, и вскоре я увидел замшевые сапожки, чьи аккуратные каблучки опускались на камни с приятным гулким звуком. Замерев на долю секунды, их обладательница подошла к моей скамье.

– Вы ждете кого-то? – спросила она.

– Нет, никого не жду, – ответил я и подвинулся на лавочке, чтобы она тоже могла сесть.

Подняв взгляд, я увидел девушку, возможно, чуть старше меня. Она была одета совсем как местные, только вот ее сарафан был черный с цветочными узорами из блестящих ниток. Ее кудрявые светло-коричневые волосы были забраны в косы и связаны пучком на затылке, но пара кудрявых прядок обрамляла круглое лицо. Зеленые глаза были подведены черным карандашом, от чего вид у нее был мрачноватый и грустный.

Впрочем, смотрела она живо и дружелюбно.

За девушкой из-за кустов выпрыгнуло странное создание. О таких я раньше только читал. Его задние ноги были совсем как кошачьи, длинный хвост заканчивался красиво расчесанной кисточкой, передние же лапы были кожистые, трехпалые, с подвижными когтистыми пальцами, как у орлов. Пушистая пернатая грудь гордо выпячена, могучая изогнутая шея с пышным густым опереньем заканчивалась орлиной головой с желтым крючковатым клювом и перьевыми загнутыми ушками. Из-под серых перьев на меня смотрели грозные зеленые глаза. Крылья, сложенные вдоль едва оперенных боков, покачивались в такт шагам гордого зверя-птицы.

– У вас чудный грифон, – заметил я, любуясь переливающимися в свете фонарей перьями. – Я читал о них, но никогда не видел... мне казалось, они чуть больше.

– Это не грифон, – улыбнулась девушка и хлопнула по своим коленям. Издав звук, похожий одновременно на мяуканье и на крик хищной птицы, грифон подобрался и, чуть взмахнув крыльями, прыгнул на ноги хозяйки, вцепившись передними когтями в подол ее платья. – Это норуш, они совсем домашние, – добавила девушка, погладив за ухом своего питомца. Тот разинул клюв и крякнул.

Взяв норуша под передние лапы, хозяйка прижала его к груди, как ребенка. Он обнял ее всеми конечностями и положил голову на плечо, довольно заурчав, но не забыв бро-

свить на меня предупредительный взгляд.

– А можно погладить? – спросил я.

– Он обычно кусается...

– Ничего страшного, мы и сами с зубами, – улыбнувшись, я протянул руку к норушу, чтобы пригладить ему перья, но как только он почувал меня, тут же востепенел и потянулся к моим пальцам, чтобы укусить. Пальцы я отдернуть успел, но все равно вышло неприятно.

– В самом деле кусается, – я спрятал обе руки под мышками и злобно посмотрел на норуша. Встреться ты мне еще без хозяйки, я тебя без хвоста оставлю!

Поняв, что я хочу донести до него своим взглядом, норуш поспешил спрятаться под плащом девушки.

– Норуши лучшие питомцы, даже если не очень приветливы с чужаками, – сказала девушка. – Ведь они преданы, как собаки, ласковы, как котята, и могут петь не хуже птиц. Как странно, что вы их не видели до сих пор! Едва ли не каждый день где-нибудь устраивают норуши бега и залеты, ежегодно в Агираде проводятся выставки... Это ведь наш национальный символ. Я не знаю ни одной семьи, у кого бы не жил такой!

– Я тут не так давно, если честно. Только сегодня сошел с поезда, а до этого путешествовал по другим странам, – объяснил ей я.

– А откуда же вы? – поинтересовалась девушка. Похоже, иностранцы здесь в диковинку... хотя не удивительно: сюда

так долго добираться!

– Я из Рашемии, моя семья владеет землями на северо-западе страны.

– Так вы граф? – от изумления незнакомка округлила свои красивые зеленые глаза и ее губы чуть приоткрылись. Мне стало приятно.

– Да, – кивнул я. – Мое имя Лекои Опоаль Л’диэн Сеймур. А вас как зовут?

– Меня?... Шарлотта Грейми, я дочь городского судьи. Простите, я не привыкла, что меня могут не знать, – она виновато улыбнулась.

– Приятно познакомиться.

Я взял руку девушки, чтобы поцеловать, но ее норуш зарычал. Я на него цыкнул и угрожающе нахмурился, только тогда он заткнулся и позволил мне познакомиться со своей хозяйкой.

– А что, в Рашемии так принято? – удивленно спросила Шарлотта, аккуратно вынув руку из моих ладоней.

– Да, – кивнул я. – А что насчет местных обычаев?

– При знакомстве мы ждем руки или касаемся правыми плечами, вот так, – она изогнулась и коснулась моего плеча. Ее лицо и волосы оказались так близко, что я почувствовал аромат духов. Очень приятный запах, я невольно потянулся за девушкой, когда она отстранилась.

– Что это вы? – спросила она, смутившись.

– У вас замечательные духи, – ответил я, садясь прямо

и выпрямляя спину. Всегда забываю выпрямлять спину, а Бэйр говорит, это очень важно. – Вы давно гуляете? – спросил первое, что пришло мне в голову.

– Не так чтобы очень, я вышла меньше часа назад.

– Это очень красивый город. Я хотел бы посмотреть на что-нибудь... особенное. Не подскажете, где это?

– Здесь много чего есть.

– А вам что нравится?

– Эммм... – Шарлотта прикусила нижнюю губу, задумавшись. Это выглядело очень мило... она вообще очень красивая девушка. Особенно когда задумывается. – Есть одно место, возле которого я могу ходить часами, – призналась она. – Если хотите, я вас к нему отведу.

– Это было бы здорово!

Шарлотта вывела меня из парка, и мы пошли по улицам города, болтая о каких-то пустяках. За разговором мне все вокруг казалось куда более оживленным и приветливым, чем раньше. На улицах, куда она меня вывела, появились нарядно одетые прохожие, они ходили парами или компаниями, веселились. И я тоже шел не один, разговаривал и улыбался. Я тоже стал частью этого города.

Новая знакомая рассказала мне историю города, и о некоторых семьях, чьи дома мы встречали. Оказалось, что здесь вывески над дверью – пик моды. Каждая семья сама делает себе эскиз и отправляет его резчику, тогда он вырезает табличку, и все соседи в округе знали, что за семья живет за

конкретной дверью.

Мы подошли к застекленной витрине бакалейной. Внутри играла музыка и горели приглушенным оранжевым светом лампы, за маленькими круглыми столиками сидели посетители, запивая пирожные чаем. В воздухе разливались звуки неторопливых бесед, а запах из открытого окна кухни шел такой, что у меня задрожало под коленками.

– Обожаю это место, – призналась Шарлотта. – Если бы не фигура, каждый день бы здесь сидела!

– Царство корицы, глазури и сахарной пудры... нежные бисквиты, хрустящее тесто, песочное печенье... О, да, лучшее место в городе должно пахнуть именно так! – согласно кивнул я, вдыхая ароматы полной грудью. Хорошая выпечка, как же мне этого не хватало в путешествиях!

– Любите сладкое, господин граф? – девушка посмотрела на меня с лукавой искрой в глазах.

– Зависит от настроения. Я больше люблю готовить, а не есть, – признался я.

– Готовить!?

– Да, думаю, я хорош в этом деле. Судя постряпне тех, кого я встречал за время путешествия, я бы мог обставить всех людских поваров.

– Людских? – Шарлотта растерялась, но по ее глазам было видно, что мои слова ее ничуть не удивили. Было сложно, понять, что она такое разыгрывает, но я с таким уже сталкивался и знал своего врага в лицо: это была вежливость. – А

вы... вы ведь не человек?

– Я могу быть кем угодно.

– Я не очень понимаю, о чем вы, если честно...

– Это не так важно, кто я, на самом деле, – я решил не пугать ее и не говорить, кто я такой. Тем более, Арланд просил не распространяться насчет обстоятельств моего рождения и воспитания.

Постояв еще немного у бакалейной, мы продолжили прогулку. Шарлотта показывала мне памятники и значимые в городе здания, при этом девушка успевала болтать обо всем на свете. От интересующей меня истории города мы перешли на недавнюю интригу, связанную с ссорой двух старших домов, затем Шарлотта рассказала мне последние новости, а потом стала осторожно выспрашивать у меня, кто я и откуда. Я заметил, что она сильно расстроилась, когда узнала, что я скорее всего уеду через несколько дней.

Наша прогулка закончилась тем, что я проводил Шарлотту до ее дома и, поцеловав ей на прощание руку, отправился на поиски ближайшей подворотни. Найдя достаточно темную, я превратился в голубя и полетел к гостинице.

Был второй час ночи и Бэйр, наверное, уже спала, но я все равно решил зайти к ней в комнату. Иногда она засиживалась допоздна со своей старой тетрадкой, и с ней можно было поговорить, но в этот раз, к моему удивлению, я не застал ведьму, ее номер был пуст.

Поднявшаяся было тревога быстро улеглась, я понял, что

произошло, и вышел в коридор. Раздельные комнаты для комфорта... ну да, ну да.

Чувства, от которых я почти избавился за время прогулки с Шарлоттой, накрыли с прежней силой, и я отправился спать к себе, зная, что еще долго не смогу уснуть.

Сперва я снова думал о Бэйр и о том, что мне надо искать свой путь в жизни, который пойдет рядом с ее дорогой и дорогой Арланда, но потом позволит мне оставить их. Однако эти сложные мысли быстро вытеснили более приятные: я стал думать о Шарлоте, о том, что она рассказывала, и том, что я сам сегодня видел.

Я будто подсмотрел в окно чужого дома: люди, которых я увидел сегодня вечером, жили совсем иначе, чем я. Они росли под теплом светлом собственного дома, с родителями, ходили в школу и домашних животных, играли с друзьями, и самая страшная их проблема – это выбор платья или расчет с банкиром. Они ломают головы над тем, что приготовить на ужин, и понятия не имеют, каковы на вкус змеиные яйца, которые приходится есть, загибаясь от голода в пустыне, потому что двухметровый царевич полукровка сожрал все припасы... Я впервые увидел ту размеренную обычную жизнь, о котором так часто думал, но которая обходила меня стороной, сколько я себя помню.

Наверное, мне стоит встретиться с Шарлоттой завтра, попробовать увидеть еще что-нибудь, пока есть возможность. Бэйр собиралась заняться продажей зелий, и я буду ей по-

могать, но вряд ли она заставит меня весь день быть с ней. Помогу ей и буду свободен, тогда и зайду за Шарлоттой.

Я проснулся от того, что слуга постучал в мою дверь три раза: сигнал, обозначающий приглашение на завтрак. Быстро приведя себя в порядок, я отправился вниз, в столовую. Арланд и Бэйр сидели рядышком за одним столом и о чем-то довольно шептались.

– Как вчера прогулялся? – спросила ведьма с таким искренним участием, что у меня отпало всякое желание ворчать по поводу вчерашнего.

– Хорошо, спасибо, – ответил я, усаживаясь напротив них. – Это красивый город.

– Да, тут здорово, – согласилась Бэйр, выглянув за окно, где по мощным улочкам прохожие спешили на работу. – Даже жаль уезжать.

– Уже!?! – я так расстроился, что даже не посчитал нужным это скрывать.

– Арланда направили чуть дальше за город, в семейный особняк. Там сейчас находится предполагаемый одержимый, – рассказала ведьма. – Я решила, что нам лучше поехать вместе, во-первых, потому что может понадобится наша помощь, во-вторых, потому что в городе не так-то легко будет найти покупателей на зелья.

– Значит, мы уезжаем сегодня? – повторил я, мысленно прощаясь со всеми своими планами насчет прогулки с Шарлоттой.

– Что-то не так? – Бэйр взяла меня за руку и от ее прикосновения стало легче. – Ты не хочешь ехать?

– На самом деле да, – признался я, посмотрев на нее, потом на Арланда. – Вчера я познакомился с одной девушкой, и мы договорились встретиться снова сегодня. К тому же, я хотел найти себе какую-нибудь работу... хотя бы на пару дней.

– Ты познакомился с девушкой? – они удивленно переглянулись, и беспокойства в этой переглядке было куда больше, чем должно вызывать такое простое событие.

– И кто она? – осторожно спросила ведьма, повернувшись ко мне.

– Ее зовут Шарлотта, она дочь городского судьи. Я хотел встретиться с ней сегодня после того, как помогу вам с работой. Но все отменяется, не так ли? – я вопросительно взглянул на них обоих.

– Это замечательно, что ты познакомился с девушкой, особенно то, что она дочь городского судьи, – произнесла Бэйр так медленно, будто слова давались ей с трудом. Под конец фразы она взглянула на Арланда, словно приказывая ему сделать что-то.

– Эм... – Арланд растерянно взглянул на меня. – И... что у вас с ней было?

– Она водила меня по городу и рассказывала о интересных местах здесь.

Бэйр облегченно вздохнула.

– Тебе она понравилась? – спросила ведьма, вновь улыbnувшись.

– Она милая, – я пожал плечами.

Арланд тоже улыbnулся и опять странно взглянул на Бэйр. В этом взгляде было столько нежности и тепла, будто он смотрел на маленького пушистого котенка, а не на растрепанную ведьму.

– А знаешь, братец, поездка в деревню займет не меньше трех суток, – заметил он, снова повернувшись ко мне. – Ты можешь остаться здесь, а мы с Бэйр поедem... На самом деле, я могу поехать и один: помощь мне не понадобится. Вы можете остаться и вместе погулять по городу. Бэйр, ведь ты вчера говорила, что хочешь здесь все осмотреть.

– Я мог бы познакомить тебя с Шарлоттой, – предложил я.

– Хм, – Бэйр задумалась. Пока она думала, к нашему столу подошла служанка и, поздоровавшись, вручила нам по картонному листочку, где были написаны блюда и цены на них.

– Очень удобно! – заметил я, просмотрев листочек. – Но как же дорого...

– Это Агирад, здесь все дорого, – вздохнула Бэйр. – Дейк скорее умер бы тут от жадности, чем заказал что-нибудь...

Мы сделали заказ и вернулись к нашему разговору.

– Я бы хотела поехать, – неуверенно произнесла она. – Но как ты тут один будешь?...

– Значит, все-таки с Арландом, – я вздохнул и недовольно посмотрел на братца. – Ничего. Оставьте мне одну из комнат,

а сами езжайте. Я присмотрю за вещами, если хотите.

– Ты уверен, что справишься? – Бэйр все еще сомневалась, но я видел, что ей хотелось уехать.

– Имеешь ввиду, не умру ли я за три дня с голоду или не наживу неприятностей? Я обещаю, что буду осторожен, – я улыбнулся. – Езжайте, а я попробую найти себе занятие! Поживу хоть немного самостоятельно.

Как оказалось, Бэйр и Арланд должны были ехать сразу после завтрака. Они заплатили за мою комнату и еду в общей столовой, оставили мне на хранение ненужные тяжелые сумки и отправились в путь, дав мне десять золотых «на сладости для девушки», как сказал Арланд.

Попрощавшись с ними, я отправился на поиски работы. Как я понял, в большом городе можно устроиться кем угодно, самое легкое – уборщиком или посыльным. Впрочем, мне не хотелось бы скрести грязные подошвы и бегать весь день от дома к дому. На самом еще вчера мне пришла в голову отличная идея насчет того, где я хотел бы поработать.

Без труда отыскав бакалейную, которую мне показала Шарлотта, я вошел внутрь.

Колокольчик, приделанный к деревянной фиолетовой двери, мелодично звякнул, обратив на меня внимание служанки, моющей полы. Это была полноватая женщина лет сорока.

Было восемь утра и посетителей пока еще не было, поэтому лицо женщины выразило досаду по поводу моего визита.

– Закрыто! – проворчала она, продолжая натирать полы.

С кухню доносились приятные запахи готовящейся выпечки, я слышал, как суетится повар, разливая тесто по формам, и как гремит посудой судомойка.

– Я хотел бы поработать здесь пару дней, – произнес я, надеясь, что все говорю правильно. – С кем я могу поговорить насчет этого?

– Это лучшая пекарня в городе, и здесь нет места для бродяг вроде тебя! – прокричала уборщица.

– Я не бродяга, я путешественник, и, к тому же, я вполне чистый для работы на кухне, ваше замечание несправедливо, – заметил я, с укоризной смотря на сгибающуюся пополам женщину.

– Пф, какой важный! Иди, поговори с хозяином, в его кабинет можно пройти через кухню.

– Спасибо вам.

Кивнув ей в знак признательности, я тщательно вытер ноги о половой коврик и пошел к двери, ведущей на кухню, стараясь не наступать на уже вымытые доски пола.

В кухне меня встретили, мягко говоря, не слишком радушно, и, хотя я объяснил, что хочу устроиться на работу, меня выгнали. Но к счастью, выгнали меня через другой вход, ведущий на задний двор, где находилось открытое окно в кабинет хозяина. Превратившись в птицу, я влетел внутрь и прежде, чем мужчина, сидящий в кресле, успел опомниться, я вновь стал самим собой.

– Здравствуйте, я ищу работу. Не могли бы вы нанять меня на несколько дней? – вежливо спросил я, на всякий случай красиво улыбаясь и всем своим видом выражая почтение.

– Ты как здесь оказался!?! – воскликнул он. Это был в меру упитанный усатый мужик с лицом кондитера, злоупотребляющего бисквитами с ликером.

– Я вошел через дверь, – соврал я. – Насчет работы. Я уверен, что я вам подойду, ведь я умею отлично готовить, знаком с приемами финийских, тангейских и ишимерских поваров, в совершенстве знаю традиционную рашемийскую кухню, особенно мне удаются пироги из грибов и мяса и десерты. Если это важно, то так же я умею работать с охмаражскими приправами и создавать их, если мне дадут нужные ингредиенты... я готовил для царевича Кудеяра одно время.

Лицо усатого мужчины, замершее в возмущенной гримасе, постепенно вытягивалось от удивления, только когда я упомянул Кудеяра, кондитер пришел в себя и перестал на меня пялиться.

– Ври-ври, да не завирайся, юноша! – нахмурился он. – Для царевича Охмараги!?! Такое очевидное вранье даже смешно!

– Но я в самом деле готовил для царевича! Ведь он уехал с родного острова, чтобы совершать подвиги на материке, а наша еда непривычна для сенари, им требуется время, чтобы привыкнуть, – начал вежливо объяснять я. – Он путеше-

ствовал вместе со мной и моей подругой какое-то время, ради него мне и пришлось учиться использовать охмаражские приправы.

– Рассказывать такие вещи может либо безумец, либо тот, кто говорит правду, – кондитер задумчиво разгладил усы. – Я не могу поверить тебе на слово. Все, кто сюда приходит устраиваться на работу, заливают, что готовят как боги, а на деле же им нельзя доверять даже крем выкладывать!

– Работа нужна мне всего на несколько дней, я могу просто помогать на кухне, если вы не хотите доверять мне готовку.

– Естественно я не доверю тебе готовку! – возмутился мужчина. – Ты ведь совсем не знаешь нашей кухни!

– Тогда чем я могу заняться?

– Заняться?... – он задумчиво меня осмотрел. – Твоя внешность привлечет посетителей. Слуги, принимающих заказы, давно просили отгул, так что заменишь их обоих, будешь работать с десяти утра до девяти вечера каждый день. Я заплачу тебе пять золотых за каждый день работы, плюс твои чаевые. Согласен?

– Да... хорошо. А что такое чаевые?

– Как тебя зовут, чудик? – спросил он, проигнорировав мой вопрос и потянувшись к какой-то бумажке.

– Лекои Опоаль ЛДизн Сеймур.

– А короче?

– Леопольд.

– Леопольд... так зовут моего кота, – усмехнулся мужчина. – Мое имя Костаф Деноре, и ты принят на работу в моей бакалейной. Иди в зал, найди там нашу управляющую... такая гримза в очках... Она тебе объяснит, что нужно делать. Скажи, что заменишь Карлоса и Линду.

– На три дня.

– На три дня, – кивнул Костаф. – А теперь вон с глаз моих!

Я отправился искать управляющую. Она была занята отчитыванием какого-то бедолаги в форме и не сразу заметила меня. Когда же заметила, попыталась выгнать, но я объяснил ей, что меня взяли на работу. Тогда по ее поручению один из поваров отвел меня в раздевалку, заставил переодеться в форму слуги – кремового цвета рубашку с пышными рукавами-тюльпанами и светло-сиреневый поясной фартук. Я заплел волосы в более изящную и сложную косу, чтобы они не подметали пол, и отправился за поваром, слушать о своей работе.

Моего наставника звали Роберто, он объяснил мне, где какой столик, как обслуживать клиентов и где забирать заказы, а также рассказал про чудесную вещь – чаевые. Все время, оставшееся до открытия, я сидел и изучал меню – такую же картонку, как в нашей гостинице.

К десяти часам утра я уже знал наизусть все цены и блюда, к тому же я успел незаметно понаблюдать за приготовлением каждого и запомнить почти все рецепты – знакомые мне десерты с небольшими изменениями. Теперь я мог рассказать

будущим клиентам о каждом из блюд, об их составе и вкусе.

Когда начался рабочий день в бакалейной, меня выставили у входа, как украшение интерьера, и велели встречать гостей. Управляющая в очках велела мне широко улыбаться гостям, чтобы были видны клыки, хотя обычно меня все просили их не показывать. Странные они тут.

Первые несколько часов все гости заходили лишь за тем, чтобы быстро купить свежего хлеба у прилавка, они спешили по делам и никому не хотелось подолгу засиживаться.

Примерно в час дня пришел мой первый клиент и сел за третий столик, находящийся у окна. Я записал в блокнот его заказ и отнес листок на кухню, через пару минут принес ему на подносе пирожное и кофе, а потом вновь встал на свое место и стал скучать, иногда переговариваясь с одним трех поваров. Он тоже хотел знать, откуда я, а потом спрашивал про Рашемию.

К трем часам посетителей стало столько, что не хватало мест! Я едва успевал бегать между столиками и разносить заказы. Не знаю, как так получилось, что я не перепутал ни один из заказов, хотя на одном мне были все десять столиков. К пяти часам я валился с ног и ничего не соображал, в голове только пробегали строчки бесконечных заказов. Я чувствовал себя машиной, которая выполняет однообразные действия просто потому, что ничего больше не может. Одно только грело мне душу: благодаря тому, что я хорошо подготовился к работе, изучил меню и понаблюдал за пригото-

нием десертов, я смог ответить на вопросы даже самых при-
вередливых клиентов и этим заработал себе чаевых больше,
чем мне должны были заплатить за день.

Ближе к концу моего рабочего дня, к восьми часам вечера,
произошло целое событие, пробудившее мою забродившую
от однообразной работы голову. В одной из клиенток я узнал
Шарлотту.

Она сидела ко мне спиной и общалась с еще одной де-
вушкой, видимо, с подругой. Я не видел лица Шарлотты, но
узнал ее голос. Клиентов вокруг в это время было не так мно-
го, поэтому я смог немного задержаться возле ее столика и
послушать. Кажется, они говорили обо мне.

– ... Граф, представляешь! – увлеченно объясняла Шар-
лотта.

– Здравствуйте, – я подошел сзади и вежливо улыбнулся.
Девушки посмотрели на меня, Шарлотта удивленно ахну-
ла.

– Леопольд! – воскликнула она. – А я как раз рассказывала
о вас... а что вы здесь делаете?

– Я решил немного подработать. Тут приятно пахнет, –
объяснил я. Мне было так приятно снова видеть Шарлот-
ту, что я не переставал улыбаться и, наверное, выглядел, как
идиот. Впрочем, меня и так постоянно принимают за идио-
та, мне в этом плане терять нечего.

– Граф, работающий прислугой? – подруга Шарлотты,
курносая девушка с неестественного цвета золотыми воло-

сами, насмешливо выгнула бровь. Почему-то эта особа мне не понравилась с первого взгляда. – Скажи, Леопольд, разве твой род настолько беден?

– Мой род достаточно богат, чтобы держать в порядке неплодородные северные земли, и то, что я работаю, не имеет никакого отношения к его состоянию, – возразил я. Хорошее настроение, навеянное появлением Шарлотты, омрачилось.

– Шарли, это же все ясно, как летний день, – усмехнулась крашенная блондинка, посмотрев на подругу и закрутив один из вьющихся локонов на палец. – У него приятные черты, потому что его отец-граф в свое время погулял с ленайкой. Открой глаза, милая: он нищий бастард, потому и связался с тобой!

– Малена! – девушка вспыхнула и поспешила извиниться передо мной. – Леопольд, не принимай это в серьез, пожалуйста! Увы, не все такие добрые и бескорыстные души, как ты... Как же мне стыдно, боги!... – она прижала к глазам руки в перчатках.

– Нам два лимонных кекса и чая с чебрецом и медом, – Малена одарила меня издевательским взглядом и пренебрежительно добавила: – И замени нам скатерть, а то я вижу здесь пятно.

– От вашей ядовитой слюны, полагаю. Она так и брызжет в стороны.

Не выдержав, я все-таки нахамил этой мерзкой девице и

удалился, забрав с собой скатерть, на которой в самом деле было мокрое пятно.

Обслужив всех остальных посетителей, я отнес заказ к столику, за которым была Шарлотта. К счастью, она уже была одна, ее противная подруга, видимо, обиделась и ушла.

– Леопольд, вы ведь не сердитесь? – она взглянула на меня глазами, полными сожаления. – Это ужасно, что она сказала, и, если вы подумали, что я с ней хоть в чем-то согласна... Знайте, что это не так!

– Я не сержусь, конечно, но подруга ваша не самая приятная особа, надо заметить.

– Она просто не привыкла сдерживаться, да и судит о людях всегда предвзято, во всем видит подвох. А так она очень хорошая, просто общество ее потрепало...

– Вот ваш заказ, – я поставил на ее столик лимонный кекс и чай, а затем отправился обслуживать других клиентов. У меня не было никакого желания выслушивать оправдания этой мерзкой Малены. Да, она верно сказала, что я нищий бастард, не имеющий и медяка заработанных денег... но что-то подсказывает мне, что сама она за всю жизнь заработала не больше, чем я за этот день.

В следующий раз я подошел к Шарлотте только когда потребовалось забрать деньги за заказ.

– Леопольд, вы так и не сказали мне ничего... Я не хотела бы, чтобы наша дружба вот так оборвалась.

– Что я могу сказать? Я ведь на работе.

– А когда заканчиваете?

– Через полчаса закрытие.

– В таком случае я подожду вас здесь... Можно еще малиновое пирожное со сливками?

– Можно, – я снова улыбнулся и, кажется, это привело Шарлотту в восторг.

После того, как я закончил работу, переоделся и получил свой первый заработок в размере одного с половиной золотого, мы с Шарлоттой снова отправились гулять по улицам города.

Уже через несколько минут прогулки я и думать забыл про обиду на эту Малену и чувствовал себя прекрасно, несмотря на длинный рабочий день и на адский голод. Девушка, убедившись, что я не злюсь, предложила мне познакомиться с другими ее друзьями, которые, услышав обо мне, захотели пообщаться.

Пока я ужинал в одной из попавшихся нам харчевен, Шарлотта описывала мне каждого из людей, с которыми мне предстояло встретиться.

Одной из них была актриса, которой удалось выйти замуж за драматурга, оба они работали в театре, который открылся совсем недавно и пока только готовился к первому спектаклю. Кроме них там находилось около трех богатых девушек, описания которых были так похожи, что я даже не стал пытаться запомнить, чем они друг от друга отличаются. Два молодых человека моего возраста или чуть старше, один

из университета, другой молодой певец, оба прекрасно держатся в обществе и их определенно ждет большое будущее. Главными людьми в компании являются двое, один из них сын мэра, другая его сестра, которая участвует в движениях против чрезмерной трудовой нагрузки на рабочих с фабрик, находящихся недалеко от города и снабжающих его товарами.

Особенно меня заинтересовала девушка, беспокоящаяся о рабочих, и чета из театра.

Встреча должна была состояться в десять вечера, в квартире у парня, учащегося в университете. Шарлотта, видимо, сильно нервничала, ведя меня к своим знакомым, я же наоборот, испытывал воодушевление. Я позорился много раз и часто не замечал этого, еще один раз сделать какую-нибудь глупость ничего для меня не значило... по крайней мере, мне хотелось верить в то, что я смогу узнать людей, познакомиться с ними и, может, понравится им, а если нет, то ничего страшного все равно не произойдет.

Квартира, куда мы шли, находилась в трехэтажном кирпичном здании. Мы зашли в подъезд и поднялись по каменной лестнице на второй этаж, а оттуда через плохо освещенный коридор с потрескавшимися досками пола и ободранными стенами уже вошли в квартиру студента. Нас встретила сразу вся компания.

Несмотря на то, что дом, куда мы пришли, был старый и достаточно мрачный, небольшая квартирка студента ока-

залась светлой и уютной. Стены были обклеены светлой бумагой, пол устелен стареньким паркетом. Нигде не лежало ковров, зато в главной комнате вся мебель была обита застелена толстыми мягкими тканями. На обшарпанном комодестояли небольшие картины в позолоченных рамках, старые затертые шторы на большом окне когда-то могли висеть в доме какой-нибудь знатной семьи. На меня большое впечатление произвела огромная картина, изображающего породистого охотничьего норуша в лесу. Она висела прямо над диваном, занимая почти всю стену, и так сильно выделялась в пустой комнате, что могло показаться, будто студент ее у кого-то стащил.

Люди, сидящие в креслах и на диване, пили чай. На круглом столе посреди комнаты стоял поднос, а на нем – старый фарфоровый сервиз и вазочки с печеньем.

– Это Леопольд, я рассказывала вам о нем сегодня утром, – объяснила Шарлотта, беря меня за руку и уводя к паре стульев в углу. Только когда она коснулась моей руки я опомнился и перестал пялиться по сторонам.

– Здравствуйте, – я осмотрел присутствующих и поздоровался со всеми сразу. Они уставили на меня любопытные взгляды своих блестящих в свете люстры глаз.

– Присаживайтесь, – хозяин квартиры, тощий угловатый юноша в очках и с растрепанными волосами, указал мне на один из стульев, приглашая сесть. – Мы как раз обсуждали положение рабочих людей на вашей родине.

– Должно быть, это был интересный разговор, – я ответил первое, что пришло в голову. Но никто моего ехидства не заметил. Студент продолжил, как ни в чем не бывало.

– Мы слышали, граф, что вы путешествуете, живете скромно, если не сказать бедно, и не гнушаетесь работы?

– Если это так, то вы отличный пример для знати, – заметила девушка, сидящая на диване. На ней был строгий коричневый сарафан и кремового цвета рубашка с узкими рукавами и кружевными манжетами, наверняка доставшимися ей от бабушки: сейчас такие уже никто не носит. Коричневые волосы девушки были заплетены в аккуратную косу, выражением лица незнакомка напоминала учительницу, и только дорогие золотые серьги и жемчужные бусы указывали на то, что она совсем не из простого люда. Видимо, это дочь мэра.

– Я бы не сказал, что я хороший пример, – возразил я, внимательно оглядев собеседницу. – Я уехал из поместья путешествовать, хотя мог бы остаться и заняться хозяйством. Другое дело, что я не приспособлен для такой ответственной работы, как управление землей.

– А раньше вы занимались чем-то подобным? – спросил смуглый мужчина. Пышные черные волосы, уложенные назад, короткая борода, орлиный нос и черные глаза выдавали в нем тангейца, а яркие детали пышного костюма – творческую личность. Видимо, это был драматург, о котором рассказывала Шарлотта. – Видите ли, госпожа Наталь давно хотела найти кого-нибудь, кто близок к этому делу, и хоро-

шенько промыть ему мозги... И, да, извиняюсь за грубость, меня зовут Фиар Корко, а это моя жена, Лариса, – он указал на красивую рыжую женщину возле себя.

– Очень приятно, – я вежливо кивнул паре, а потом продолжил: – Нет, я никогда не управлял поместьем, этим занимался мой отец. Он следил за доходами и состоянием наших владений, много времени посвящал изучению истории нашего рода.

– Вам не кажется, что это неправильно, когда одни люди работают на других, а те отдыхают? – спросила у меня Наталья, дочь мэра.

– По-моему, это правильно, если каждый при своем деле, – ответил я, пожав плечами. – Каждый занимает свое место, а кому это не нравится, всегда может изменить свою жизнь.

– Но ведь дворянину легче это сделать, чем, скажем, подавленному обществом рабочему, не так ли?

– Человек сам хозяин своей судьбы, у меня множество знакомых, которые могут послужить этому примером, – снова возразил я. Какие странные темы они тут обсуждают! Только вот мне непонятно, умно об этом говорить или бессмысленно?

– Например? – девушка аж подобралась от любопытства. Я осмотрелся и понял, что все в комнате смотрят на меня с такой внимательностью, будто я собираюсь показывать им фокусы или делать еще что-то интересное. Мне стало уют-

но, но я пересилил себя и продолжил говорить.

– Мой брат, например. Он мог стать главой нашего рода, главным графом севера, но он выбрал ремесло взамен неторопливой жизни в поместье.

– Какое же это ремесло? – этот вопрос задала Шарлотта, которая почти светилась от удовольствия. Видимо, ей нравилось, что на меня обращают столько внимания.

– Он стал инквизитором.

В комнате повисло молчание.

– Странный выбор... – заметил драматург, пригладив бороду. – Очень странный выбор для графа.

– Но все же он стал частью ордена Белых Сов и сейчас с гордостью выполняет свои обязанности. Только сегодня он отправился в селение недалеко отсюда, чтобы изгнать из кого-то то ли злого духа, то ли вовсе демона, – ответил я.

– Это случайно не того, о котором позавчера написали в газете? – насторожилась Лариса, жена драматурга.

Все присутствующие взволнованно заговорили каждый свое, из общего гомона я так ничего и не понял. Только когда все успокоились, Фиар стал объяснять мне, что было написано в газете и сколько это подняло шума.

– Я так понял, что вы здесь недавно, граф, и пока не знаете, что здесь произошло. Так позвольте мне объяснить, – сказал он. – Две самые богатые и знатные семьи решили, наконец, объединиться, и поженить своих отпрысков, Аврору и Иона, но неделю назад Ион стал вести себя очень странно.

Он поссорился со всеми своими друзьями, устроил скандал в опере, и, наконец, объявил о расторжении помолвки. Родители Иона говорили, что он сам не свой в последнее время, как будто это и не он вовсе. Чтобы избежать разборок и еще одного скандала, они увезли юношу куда-то в пригород, где у них есть дача. Ходят слухи, что они пригласили туда недавно приехавшего инквизитора, который наделал шуму в Ордене в Тангейе и в Рашемии, поймав знаменитую ведьму и оправдав ее. Если уж этот гений своего дела не излечит рассудок Иона и нельзя будет свалить все на злого духа, то семье придется уехать из города, а, возможно, из страны...

– Да, это мой брат, – я улыбнулся. – Интересная история. Думаю, если с Ионом в самом деле что-то не так, Арланд излечит его. Он, несмотря на ужасный характер, свое дело знает.

– Вот это находка! – засмеялась одна из девушек, которая подходила разве что под описание трех дочерей богатых отцов. – Шарлотта, ты привела к нам будущую знаменитость, уверяю тебя! Граф, да еще родной брат инквизитора, который сейчас спасает честь семьи Варенети!

– Леопольд, вы не говорили мне, что ваш брат инквизитор, – с тихой укоризной заметила мне Шарлотта.

– Я не думал, что это важно при знакомстве, простите, – шепотом ответил я.

– А что, правда говорят, что он приехал сюда с той самой ведьмой? Вы знаете ее? – спросил у меня Фиар.

– Конечно знаю, она моя лучшая подруга. Ее зовут Бэйр.

– И она везде с вами ездит? Наверное, это ужасно... магички из академии все себе на уме, страшно представить, как ведет себя настоящая дикая ведьма! – воскликнула другая девушка.

– Вовсе нет, мы очень хорошо ладим, – возразил я. – Это заблуждение, что ведьмы невыносимы. Она добрее и преданней всех, кого я знаю.

– Не испытываете ли вы к ней нечто большее, чем симпатия, дорогой граф? – усмехнулся драматург. – Вы весь светитесь, когда говорите о ней!

– Конечно! Она замечательная, ее нельзя не любить, – ответил я, удивляясь такому странному тону Фиара.

– А ваш брат знает о ваших чувствах? – с восторженным придыханием в голосе спросила одна из обезличенных богатством девушек.

– Знает, – я кивнул. – Мы с ним оба очень близки с Бэйр, хотя все вокруг считают очень странным, что инквизитор может так тепло относиться к ведьме.

– А что же ведьма? – спросила актриса, жена Фиара. Она и все сидящие в комнате выглядели очень удивленными и заинтригованными.

– А что она? И она нас любит, – ответил я, не понимая, почему это всех так поражает.

– Так вы что... втроем? – драматург посмотрел на меня исподлобья.

– Да, мы отлично дружим, думаю, нас даже можно назвать семьей, – ответил я, совсем растерявшись и нахмурившись. Как говорил мне Арланд, в непонятных ситуациях надо принимать вид уверенный и немного оскорбленный. – Почему вы на меня так смотрите, разве я сказал что-то удивительное?

– Да он наивен, как ребенок! – засмеялся молчавший до этого юноша. Видимо, это был упомянутый Шарлоттой певец. – Он даже не понял, на что ты намекаешь, старый развратник, – он дружески хлопнул по плечу драматурга.

– Простите граф, жизнь знаменитости испортила мои мысли, – усмехнулся Фиар, склонив голову в знак извинения. – Значит, вы просто друзья?

– Конечно.

– Ах, Леопольд, не пугайте нас так, – облегченно улыбнулась Шарлотта. – Я уже подумала, что... впрочем, неважно.

– Его нужно непременно познакомить с Лендоном, – заметила всем Лариса. – Леопольд, вы определенно очень хороший юноша, многие захотят пообщаться с вами. Нужно вас приодеть. Вы уж простите, но походная одежда совсем не подходит к вашему красивому лицу! С такой внешностью вы должны выступать на сцене и вертеться в лучших кругах общества, скажу я вам.

– Спасибо, – я вежливо кивнул. Впервые комплимент моей красоте был по-настоящему приятен и не мешался с издевкой... видимо, это хороший знак! Значит, я все сделал

правильно и понравился им.

Так продолжалось до полуночи. Бесплезная, на мой взгляд, болтовня текла неторопливо, но ровно. Как и чай из старого фарфорового чайника. Темы сменяли одна другую и не сказать, чтобы все они были интересны, о некоторых вещах мне нечего было сказать и я молчал, когда же речь заходила о чем-то знакомом, например, о книгах Ванеро Патти или о новых веяниях в фасонах косоклиных сарафанов, я высказывал свое мнение, и всем оно нравилось, как ни странно. Кажется, мне удалось произвести впечатление приличного нелюдя и меня так и не приняли за идиота, чего я опасался поначалу.

Я провел с новыми знакомыми целый вечер, и только когда я уже не смог сдержать зевков, меня отпустили в гостиницу. Шарлотта ушла вместе со мной.

– Вы, Леопольд, очень странный, вы знаете это? – спросила она, когда мы стояли у двери ее дома.

– Я догадывался, – хотя глаза уже слипались, а тело одолевала слабость, я нашел в себе силы улыбнуться и сделать доброе лицо.

– Все мои хорошие знакомые многого ждали от встречи с вами... я, видимо, увлеклась, когда описывала наше необычное знакомство. Но вы их не разочаровали, и спасибо вам за это.

– Мне тоже было интересно пообщаться с такими людьми, как ваши знакомые... Может, опустим это «вы»? Я понимаю,

что приличия обязывают, но, если честно, я привык общаться совсем не так, – понимая, что, возможно, я делаю глупость, я все же сказал то, что хотел сказать уже давно. Все же слишком высокопарно звучит это «вы», а от этих сложных предложений голова уже раскалывается!

– Как скажешь...

– Лео. Зови меня Лео, – уверенно поправил ее я. – Все друзья зовут меня именно так.

– Хорошо, – Шарлотта улыбнулась и ее зеленые глаза блеснули в свете фонарей. Она застенчиво коснулась рукой подола своего сарафана и переступила с ноги на ногу. – Мы встретимся завтра, или я уже надоела тебе?

– Я уже говорил, что мой брат и Бэйр уехали на три дня. Эти три дня я буду здесь, и мы обязательно будем видеться. К тому же, мадам Корко обещала отвести меня к какому-то Лендону, чтобы тот сшил мне новую одежду... Хотя я и сам могу справиться, на самом деле.

– Да, ты говорил, что шьешь, – Шарлотта закивала и немного подалась вперед. – Так значит, я смогу увидеть тебя завтра?

– Да, сразу после работы я приду к твоему дому.

– А раньше ты не можешь?

– Увы, у меня есть дела, с десяти утра до девяти вечера я занят в бакалейной.

– Да... ты ведь работал весь день сегодня. Наверное, очень устал, – в голосе девушки прозвучала приятная забота. Я тут

же вспомнил о Бэйр и на душе потеплело.

– В самом деле, я немного вымотался, – признался я.

– Эм... тогда я не буду задерживать тебя? – Шарлотта как будто спрашивала. Она выжидающе смотрела на меня, как будто я должен был что-то сделать.

– Спокойной ночи, Шарлотта. До завтра!

Помахав ей рукой, я развернулся и направился к уже знакомой темной подворотне. Там со мной попытался заговорить нетрезвый мужчина, но мне не хотелось тратить на него время, поэтому я просто ударил его в нос, как учил Кудеяр, чтобы он потерял сознание и прекратил меня толкать. После я превратился в птицу и отправился в гостиницу.

Только войдя в комнату, я разделся и залез под одеяло, надеясь не проспать завтрашнюю работу.

Встав в семь утра, я вымылся, привел себя в порядок и плотно позавтракал, помня вчерашнюю голодовку. Затем я отправился в бакалейную, пришел раньше всех, так что мне открыла уборщица. Вскоре появился хозяин и, чтобы я не сидел без дела, велел мне начинать готовить по рецептам. К тому моменту, когда пришел первый повар, я уже выполнил треть их работы... Но, вопреки моим надеждам, за хорошие результаты меня не оставили на кухне, а погнали обратно в зал, чтобы я снова был красивой зверушкой для посетителей.

Новый день тек в том же ключе, в каком и предыдущий, только заработок оказался больше в два с половиной раза, что не могло не радовать. Посетителей тоже было больше, и

все они очень пристально разглядывали меня, а когда замечали мой взгляд, отворачивались.

Вечером я снова отправился к Шарлотте и ее друзьям. На этот раз мы встречались в доме самой Шарлотты и у меня была возможность осмотреть жилище знакомой, которое раньше я видел только снаружи.

Как она мне потом рассказала, родители купили ей небольшой домик и устроили на работу в местную музыкальную школу, чтобы Шарлотта понимала цену своей самостоятельности. Это было небольшое двухэтажное жилище где-то между центром и окраиной города. Всего три комнаты, если не считать кухни, ванной и прихожей. Одинокой девушке и ее небольшому грифону хватало этого пространства с головой.

Обстановка в доме говорила о том, что Шарлотта не стремилась к роскоши, простоте или уюту, она шла собственным путем. Изнутри дом оказался достаточно мрачным, и дело было не только в плохом освещении, но и в мебели.

Пока мы были одни, Шарлотта показала мне каждую комнату. За время этой небольшой экскурсии я не увидел ни одной картины, или яркой вазочки, или горшка с цветами. Вся прихожая – недлинный, но широкий коридор, – была занята вешалкой и большим черным деревянным стеллажом со множеством книг в старинных переплетах. В зале, к которому вела прихожая, мебель была из темного дерева с темно-синей обивкой, и представляла собой диван, два кресла

по бокам от него, и несколько стульев, расставленных вокруг круглого стола. На столе стояла красивая черная металлическая миска с печеньем. Но общей мрачности дома придавали некий шик такие детали, как большое зеркало в красивой бронзовой оправе в спальне, золотая паутинка вышивки на темно-синем покрывале кровати, золотистые кисти на подвязках для тяжелых темно-синих штор, бронзовые подсвечники, металлические статуэтки, расставленные в каждой комнате. На втором этаже находились две комнаты – спальня и кабинет. В кабинете на стенах были аккуратно развешены и расставлены причудливые музыкальные инструменты, пюпитры, повсюду валялись нотные тетради. Последние можно было обнаружить в самых неожиданных местах в доме, от корзины для растопки дров до буфета.

Главным украшением дома был огромный рояль, стоящий в зале и занимающий добрую половину комнаты. Черный, отполированный, с матовыми клавишами цвета слоновой кости, он как будто звал за собой в глубокий мир музыки. Не удержавшись, я попросил Шарлотту сыграть что-нибудь.

Девушка охотно села за рояль и ее ловкие пальцы сами будто забегали по клавишам. Дом наполнился гулкой, тягучей музыкой, от которой по спине поползли мурашки. Тяжелые низкие ноты подавляли все мысли, подминали под себя настроение. Голова уже подчинялась не мне, а мелодии, она вела меня по закоулкам собственной памяти... В моей голове пробудились воспоминания о доме, они были такими жи-

выми и ясными, как будто я в самом деле видел все снова.

Темные подземелья с запахом сырости, толстые каменные стены, высокие башни, куда никто никогда не ходит, склеп с привидениями, старый еловый лес, густой и мрачный, как раз такой, в котором заблуждались принцессы из сказок с плохим концом...

Я вспомнил свою комнату, которая теперь была никому не нужна, и все вещи в ней, созданные с таким вниманием, пылились и портились от сырости.

Наверное, мне не стоило поддаваться воспоминанием. Во мне проснулась прежняя тоска по родному. Мне хотелось оказаться дома, наедине с животными и каменными стенами, хотелось этого так сильно, что тело разрывалось на части, мышцы ныли и дрожали, конечности сводило в судорогах... Я едва держал себя, чтобы не напугать девушку.

Закрыв глаза руками, я ссутулился и сжался, глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя.

– Леопольд, все в порядке? – обеспокоенный голос Шарлотты прозвучал совсем близко, музыка, уносящая меня в воспоминания, прекратилась. – Ты совсем бледный...

– Ты прекрасно играешь, – ответил я, не отнимая от глаз рук. В комнате был полумрак, я и без глаз все прекрасно видел. Способность чувствовать все, на что ложиться тень – наследство от матери. – Я читал, что музыка хороша, если она затрагивает самые сокровенные уголки души. Твоя музыка прекрасна.

– Я сама это написала. Спасибо, – Шарлотта ответила смущенно, но тут же сменила тон. – И все же, тебе плохо. В чем дело?

– Это... может показаться странным. Ты не против, если я немного распушу косу?

– Конечно...

Я снял несколько заколок-невидимок, удерживающих челку на месте, и спустил ее на глаза. Так мне стало спокойнее.

– Ты же ничего не увидишь так, – изумилась девушка.

– Я все вижу, не переживай за меня, – чтобы это доказать, я прошелся по комнате и переставил две статуэтки с камина и полки местами, затем вернув их обратно.

– Как ты это делаешь?

– Я же нелюдь, – я пожал плечами. – Я могу много чего странного.

– Например?

– Например видеть с закрытыми глазами.

– Можно спросить у тебя кое-что? – в вопросе звучало опасение, как будто я могу разозлиться.

– Да, конечно.

– Почему ты... такой?

– Какой? Седой или высокий? Или дело в моих глазах или длине волос? Что ты имеешь ввиду? – я улыбнулся, сев в одно из кресел. Оно оказалось настолько удобным, что едва сдержался от того, чтобы превратиться в кота и хорошенько

на нем повалиться.

– Ты не похож ни на одного из нелюдей.

– Думаю, тайна моего рождения не то, о чем стоит рассказывать новым друзьям. Это страшная история.

– Ну вот, теперь ты меня совсем заинтриговал! – расстроено сказала Шарлотта, садясь на диван и облакачиваясь на его ручку, близкую ко мне.

– Я оборотень, Шарлотта.

– Оборотень!? Ты!?!... Почему-то, мне всегда казалось, что они очень... двуличны. А еще неопрятны характером и от них сильно пахнет.

– Ну... я очень чистоплотное животное, на самом деле.

– Какое же?

– Эммм... я крыса.

– Крыса?... – Шарлотта сморщилась и улыбнулась. – Ты меня разыгрываешь! Никакая ты не крыса... может быть, рысь? Или волк? Росомаха? Я знаю, что размеры двух тел оборотня не могут сильно отличаться.

– И все же, я крыса. Многим неприятны эти животные, и можно понять, почему. Они очень умны, хитры и живучи, они преданы семье и опасны в бою, идя к цели, они находят обходные пути, уничтожают преграды, они быстро приспосабливаются, но при этом всегда остаются самими собой, изменяются только методы, но не характер. Люди боятся крыс, потому что им такими никогда не стать. Если бы крысы были размером побольше, они бы давно сжили людей со свету.

– Я все равно не верю, что ты такой. Превратись!

Я превратился в крысу и дал полюбоваться на себя. Затем прыгнул на спинку дивана и немного побегал там. Мне хотелось почувствовать себя в другом теле, надоело быть человеком, к тому же, недавняя вспышка воспоминаний пробудили инстинкты, которым можно было дать волю только в теле животного. Я приняховивался, прислушивался, осязал мир по-новому, пока была возможность.

Спрыгнув на сиденье рядом с Шарлоттой, я снова стал собой.

– Теперь веришь? – я по-крысиному задергал носом и зашущукал, пытаясь рассмешить девушку. – Похоже?

– Ты пугаешь меня, – обеспокоенно произнесла Шарлотта, отсаживаясь подальше.

– Хорошо, я больше не буду, – я убрал челку, снова прикрепив ее невидимками. – Когда все придут? Может, мы подготовимся? Если ты дашь мне полчаса, муку и яйца, я могу приготовить пирог.

– Крыса на кухне?... – Шарлотта нервно хихикнула.

– Я ничего не украду, обещаю.

– Я пошутила... это было довольно грубо, прости. Конечно, я буду рада помощи.

Я приготовил бисквит, который отлично сочетался с малиновым джемом, который обнаружился на кухне у Шарлотты. За готовкой девушка немного пришла в себя и снова развеселилась. Когда в дверь постучали ее друзья, мы уже бол-

тали, как ни в чем не бывало.

Среди пришедших не было трех девушек, имена которых я не запомнил, но зато была одна, незнакомая мне. Судя по одежде, она была из очень богатой семьи. Как оказалось, ее звали Аврора. Бледная худая болезненного вида девушка. На протяжении всего вечера мне казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

Как я узнал, это была та самая брошенная невеста. Это в ее жениха кто-то вселился и из-за этого он отменил помолвку. Над ним сейчас должен был работать мой брат.

Узнав, что я знаком с инквизитором, который взялся за ее жениха, Аврора немного приободрилась. Она весь вечер смотрела на меня по-особенному, а потом, когда я ушел на кухню, чтобы заварить еще чаю для гостей и побыть немного в одиночестве, она последовала за мной. Ей хотелось поговорить о своем женихе, как оказалось.

– Я столько слышала об инквизиторах, скажите, что из всего этого правда? Надо ли мне... опасаться худшего? – спросила она, смотря на меня глазами испуганного олененка.

– Я сомневаюсь, что Арланд пойдет на убийство, – я почему-то сразу понял, о чем именно она говорит. Я почти физически ощущал изводящий ее страх. Бедное слабое создание, наверное, сходит с ума от переживаний! – Он не раз говорил, что это крайняя мера, и к ней кодекс разрешает прибегать только в особых случаях. К тому же, если дело во вселившемся духе, он легко справится. Он... гений экзорцизма.

– В самом деле? – глаза девушки наполнились слезами. – Значит, все будет хорошо?

– Я уверен, что все обойдется, – я кивнул. Смотреть на Аврору было невозможно, ее всю трясло.

– Наверное, я выгляжу г-глупо?... – спросила она, зажимая рот рукой и едва сдерживая рыдания. Она оперлась на подоконник, возле которого я стоял. – Боги, я так переживаю!... Если бы вы знали, как мне плохо от всего этого. Призраки, духи, демоны... иногда мне кажется, что такое только в книгах бывает! А тут это коснулось Иона и так неожиданно, прямо перед свадьбой...

Я мог бы сказать ей, что призраки и духи – это сушная ерунда и что в мире есть вещи куда более ужасные, чем сорванная свадьба. Но что-то мне подсказало, что это ее не утешит.

– Мой брат возвращается завтра вечером, как только что-то узнаю, я непременно вам сообщу все подробности или устрою встречу, хотите?

– Если можно... О, боги, спасибо!

– Не стоит, для меня это такие пустяки, а для вас это важно...

– Шарлотта рассказала мне, что вы скоро уезжаете. Это правда?

– Мы нигде надолго не задерживаемся, увы. Не каждое место может принять такую компанию.

– Понятно. Спасибо, что поговорили со мной... у вас чайник кипит, – заметила она, робко указав пальчиком в сторону.

ну плиты.

Мы вернулись к компании, где продолжались другие, обычные разговоры. Пустая болтовня, состоящая из доводов, сплетен и новостей, иногда из обсуждений... все было то же самое, что и вчера, но сегодня я уже не скучал. Атмосфера такой посиделки начинала мне нравиться, было в этом что-то особенное.

Когда все узнали, что я скоро уеду, по большей части расстроились. Театральная чета Корко уже имела на меня свои планы, Шарлотта хотела подучить меня правильной игре на флейте, студент заинтересовался мной, как начитанным собеседником, и даже предложил мне поступить в его университет, чтобы не терять такую голову... в общем, вскоре я уже и сам пожалел о том, что придется уехать так скоро.

Дом Шарлотты я покинул вместе со всеми поздней ночью. Мне некогда было даже думать о том, что я скучаю по Бэйр и Арланду, я слишком устал для каких-либо мыслей.

Я поднялся так же рано, как и в прошлый день. Недосып был обычным делом во время путешествия, и я уже привык к состоянию, когда с утра едва ноги волочишь.

В бакалейной все прошло так же. Я подготовил все к приходу поваров, получил похвалу от хозяина, и отправился в зал, где смог немного подремать до полудня, пока не начали приходить клиенты.

Весь день я проносился, как белка в колесе, считая минуты на часах, которые висели над окном, из которого я заби-

рал готовые заказы. В свой последний день я искренне радовался, что мне больше не придется отвечать на одинаковые вопросы посетителей и поторапливать ленивых поваров. Все-таки когда работаешь весь день без передышки и питаешься одними кексами, это утомляет!...

Только в половине девятого у меня появился повод порадоваться, я как раз шел к столику с недавно пришедшей парой, когда в дверях бакалейной появилась Шарлотта с подругой. Я поспешил к ним.

– Здравствуй, Лео, – поздоровалась девушка. – Мы с Авророй решили зайти, поведать тебя.

– Рад вас видеть.

– Лео? Куда ты смотришь?... – посмотрев туда же, куда и я, Шарлотта пораженно замолчала.

В паре, севшей за четвертый столик у окна, я узнал Арланда и Бэйр. Брат был одет в свою накидку с перьями, все инквизиторские штуки вроде цепи на поясе и медальонов на груди он, конечно же, не снял, сомнений в его профессии ни у кого не возникало. Бэйр наплела снова своих сложных ведьмачьих косичек, которые выглядывали из-под копны спутанных волос, она была в своих обычных штанах и рубашке с вышивкой-оберегом. Может, никто бы и не догадался, что она ведьма, если бы не плащ из крыльев летучих мышей....

Но ладно бы, если бы эти двое просто сидели рядом и разговаривали, мало ли, о чем могут говорить инквизитор

и ведьма? Нет же, Арланд без всякого стеснения прилюдно целовал Бэйр в губы! А та была и не против, обняла его за шею одной рукой, а другой гладила щеку.

Вскоре все в бакалейной на них пялились, даже повара из кухни выглянули.

– Вы готовы сделать заказ!? – я подошел к ним и спросил громко и отчетливо.

– Лео!? Ты что здесь делаешь!? – испуганно воскликнула Бэйр, мгновенно отлетая от Арланда.

– Я здесь работаю! – нахмурился я. – А что вы здесь делаете!?

– Я решил сводить Бэйр куда-нибудь... – растерянно объяснил братец.

– Нет, я спрашиваю о том, что вы здесь устроили! Что на вас нашло!? – я возмущенно зашипел, стараясь не кричать на всю бакалейную.

– Лео, ну мы же не делали ничего такого... – попыталась оправдаться Бэйр, краснея.

– Не на людях же и не в таком виде! Вы хоть понимаете, как это смотрится со стороны!?

– Он прав, – Арланд украдкой осмотрелся по сторонам и невольно встретился взглядами со всеми сидящими в зале и с поварами, выглядывающими из кухни. – Это было глупо.

– Глупо!? – возмутилась Бэйр. – Мы тоже люди! – она сложила руки на груди и откинулась на спинку стула. – Нам что, нельзя прийти в кафе и поцеловаться!? – уже громче, чтобы

все слышали. Под ее взглядом все зеваки попрытали глаза, кто стал рассматривать руки, кто изучать пол.

– Нет, нельзя, – я нахмурился и указал глазами на дверь. – Лучше вам уйти. Я закончу через полчаса и... подождите меня около бакалейной. Я знаю место, где мы можем поужинать.

Недовольно бормоча ругательства, Бэйр встала и гордо направилась к выходу. Арланд, сделав невозмутимое лицо инквизитора при исполнении, направился за ней.

Уладив это дело, я отправился к столику, который заняли Шарлотта с Авророй.

– Это твой брат и та ведьма, да? – спросила Шарлотта, когда я подошел.

– Да. Видимо, они уже вернулись... Я познакомлю вас сразу после того, как закончу работать. А пока что вы хотите заказать?

Когда последние посетители ушли, а это произошло чуть позже ожидаемого времени, я отправился к хозяину бакалейной. Мне сделали выговор за то, что я прогнал ведьму с инквизитором, но я объяснил, что это были мои знакомые и поэтому все в порядке.

Рассчитываясь со мной, Костаф предложил мне поработать у него еще немного, но я отказался. С недовольным видом хозяин отдал мне заработанные почти круглосуточным трудом пятнадцать золотых, еще пять за усердие и помощь поварам, а потом выставил вон.

У входа меня ждали Шарлотта с Авророй и Арланд с Бэйр. Ведьма сильно замерзала и громко высказывала погоде все, что о ней думает. И хотя она не употребила ни одного крепкого ругательства, ее изобретательности хватило для того, чтобы две воспитанные девушки неподалеку зажали руками уши, пытаясь ненароком не запомнить эти ужасные оскорбления.

– Вот и я, – я подошел к компании. – Итак, Бэйр и Арланд, эти две девушки мои знакомые, Аврора и Шарлотта. Аврора, Шарлотта, это мой брат и лучшая подруга.

– Приятно познакомиться, – кивнула Шарлотта. Аврора все еще не могла отойти от шока из-за поведения Бэйр и поэтому слишком растерялась для того, чтобы выказать свою радость по поводу знакомства.

– Оу... Теперь их две? – ухмыльнулась Бэйр и по привычке протянула девушкам руку для знакомства. Они невольно сделали шаг назад и уставились на ведьму испуганными глазами.

– Шарлотта, ты не будешь против, если мы поговорим у тебя в доме? – спросил я. – Они вернулись недавно и голодные, я мог бы приготовить что-нибудь, пока вы будете говорить о деле.

– О каком деле? – Арланд недовольно выгнул бровь. – Ты что, не только себе нашел работу, но и нам ее добавил?

– Нет, просто Аврора, – я кивнул на белокурую бледную девушку, – невеста того юноши, которого ты лечил. Ей хоте-

лось бы узнать, чем все кончилось.

– Ах, да, конечно, – по лицу инквизитора было видно, что ему меньше всего хочется снова разговаривать об этом. Я посмотрел на брата, извиняясь взглядом, но он только скрипел, мол, ладно уж.

Мы направились в сторону дома Шарлотты. Арланд шел, задумавшись над тем, что ему сейчас придется говорить, а Бэйр устроила переглядки с Авророй. Они обе разглядывали друг друга, как диковинных животных в зверинце, обе никак не могли понять, что это за существо напротив.

– Лео... я боюсь, у меня не будет столько продуктов, чтобы всех накормить, – шепотом заметила Шарлотта, идущая рядом со мной.

– Зайдем на рынок, я куплю. Мне только что выдали мой первый заработок, так что можно немного погулять!

– Первый заработок? – между нами втиснулась Бэйр. – Так ты работал официантом все это время!?

– Да, – гордо ответил я. – Устроился сразу после того, как вы уехали. Работал с восьми утра до девяти вечера, вместо двух других слуг, а еще готовил! И того пятнадцать золотых, еще пять за усердие, и это не считая тринадцати, которые пошли с чаевых.

– Ух-ты! Да ты молодец! – ведьма улыбнулась и пихнула меня в плечо. – Вот это я понимаю, работа! Мне удалось продать только на десяток золотых. Может и мне в официантки податься, а?

– Не советуя, слишком заморочено... к тому же, я почти не спал все это время, – мысль о сне вызвала зевок, который я едва сдержал. – Больше я так работать не хочу.

– Я смотрю, помимо работы ты еще успел познакомиться с кое-кем... – она покосилась на Шарлотту и Аврору.

– Да, у меня появилось полно новых знакомых! Через Шарлотту я узнал троих людей из местного театра, студента и трех странных богатых дамочек... вот. Мне, кстати, предложили работать в театре. Но я отказался, ведь мы уезжаем завтра.

– Да, опять переезд... мало приятного.

Мы зашли на рынок и там я едва успел купить все необходимое для запланированного блюда: почти все лавки были уже закрыты.

В доме Шарлотты мы все устроились на небольшой кухне, – пришлось принести стулья из зала, – и там уже началась беседа. Я параллельно с тем, что разговаривал, еще и готовил мясо в приправах с гарниром из жаренных овощей.

– Скажите, как там Ион? – робко спросила Аврора, когда поняла, что господин инквизитор больше не занят разглаживанием перьев на накидке и готов к серьезным разговорам.

– Все в порядке. Он жив, здоров, оправится через пару дней. Дух, захвативший его тело и разум, изгнан, свадьба состоится в назначенный день, если, конечно, вы сама еще не передумали, – монотонно продиктовал Арланд.

– Слава богам! – воскликнула Аврора и снова начала

всхлипывать. – Все в порядке... какое счастье!

Удивленный такой реакцией, Арланд переглянулся с Бэйр, как бы спрашивая у нее, что ему теперь делать. Та растерянно пожала плечами. Никто из них расчувствовавшихся девушек утешать не умел, поэтому они сделали вид, что Аврора исчезла.

– Кстати, Ион был не первым, в кого вселился дух, – заметил инквизитор как бы между прочим. – Это было обычное привидение умершего пару лет назад дровосека. Ничего из ряда вон выходящего, но все же это не первый случай вселения... Шарлотта, вы можете рассказать мне что-нибудь о предыдущих вселениях?

– Я не слишком интересовалась, но кое-что знаю, – неуверенно ответила она. – В ваш Орден часто обращались, когда там еще был предыдущий инквизитор. Старик доживал годы в этом городе и помогал, чем мог. Он погиб год назад и с тех пор началась полная неразбериха! Больше пяти вселений произошло. Двум помогла ведьма, живущая в деревне неподалеку, двое еще чудят, насколько я слышала, а один погиб через месяц после того, как стал вести себя странно. Он бросился с башни. Были еще случаи, но я о них ничего не знаю, кроме того, что это действительно произошло.

– И кто эти пятеро?

– По именам не скажу, я их не знала. Точно знаю, что умерший был могильщиком.

– Арланд... – жалобно простонала Бэйр, пряча лицо в сло-

женных на столе руках. – Арланд, только не говори, что мы будем носиться по городу и разбираться со всем этим... я не перенесу больше!

– Я не могу все это так оставить, – возразил инквизитор. – К тому же... в Ордене мне сделали очень интересное предложение. Я думаю, тебе и Леопольду оно понравится.

– И что же они тебе предложили? – вздохнула ведьма.

– Постоянную работу. Я могу остаться здесь в качестве городского инквизитора. Неплохая зарплата и определенные льготы.

– Что ты имеешь ввиду? – насторожилась ведьма, выглянув из сложенных на столе рук.

– Ты устала от путешествий и приключений, тебе надо отдохнуть, Лео пора начинать жить нормальной жизнью, а это отличный город, – сказал он, указав рукой на окно. – Хорошая стража, низкая преступность, убийства происходят только на сцене оперы и театров. К тому же, Бэйр, тут есть академия. Ты сможешь сдать экзамен и стать полноценной колдуньей...

– Я и без всяких бумаг полноценная! – возмутилась ведьма.

– Я хочу сказать, что это место как раз для нас, каждый найдет себе занятие, – закончил Арланд. – Мы снимем дом и будем жить, как обычные люди. Мы ведь так давно хотели этого, разве нет?

– Хочешь сказать, мы остаемся здесь? – я не верил своим

ушам.

– Леопольд! – радостно воскликнула Шарлотта. Ее лицо сияло восторгом. – Ты остаешься здесь!

– Кажется, так и есть...

– Ах! У нас в городе снова будет достойный защитник! – Аврора прижала руки к груди, глядя на Арланда. Ее бледные щеки покраснелись от переживаний, а глаза блестели. – Раз все так обернулось, то вы приглашены в качестве почетных гостей на мою свадьбу! Официальное приглашение для вас троих я отправлю в Орден, а отца попрошу направить к вам человека, который подыщет хороший дом.

– Ух-ты... все это так неожиданно, – проговорила Бэйр. Ее глаза последние три минуты были круглые от удивления... как бы она не сказала сейчас, что после таких потрясений ей надо выпить.

– Мы непременно придем, – улыбнулся Арланд Авроре.

– Черта с два, за это надо выпить!

Академия

Бэйр

Хотя я постоянно говорила, что мечтаю о спокойной жизни, но на самом деле ни разу не представляла, что это в самом деле может со мной случиться. Поэтому, когда Арланд неожиданно объявил о том, что мы оседаем, я растерялась.

Этот город не так давно принадлежал леннайям, отсюда и странное название. Но потом сюда пришли люди и прогнали яркоглазых на запад, а Трехполье сделали одним из крупнейших торговых городов, благо поблизости нашлось полно интересных соседей. К северу от Трехполья проходила граница с Рашемией, которую охраняют горные слевиты, а где-то далеко с юга заседают загадочные «темные» леннайи, еще одна раса нелюдей.

Вот и все, что я знала о месте, которое мне теперь предстояло называть своим домом. Бэйр, ведьма с Трехполья... О, да, звучит чертовски угрожающе! Все будут просто трепетать от страха.

Впрочем, на самом деле город оказался чудесный, несмотря на дурацкое название.

Выбор дома, в котором нам предстояло жить, занял несколько дней, и это даже с помощью очень важного человека от отца той богатенькой девицы. Мы хотели жить именно в доме, а не в квартире. Большой и хотя бы с тремя ком-

натами, подходящий для всей нашей компании. Тот, на который в итоге пал наш выбор, превосходил все ожидания.

Это было двухэтажное просторное здание с подвалом, принадлежащее женщине, которую я про себя прозвала миссис Хадсон. Эта милая дама, которой мы должны были платить по семьдесят золотых каждый месяц, обязалась приходить два раза в неделю и убираться, а заодно проверять, все ли у нас в порядке. Такие условия нам подходили.

Обстановка в доме: три спальни, гостиная с большим кирпичным камином, и подвал, он же огромный кабинет с двумя столами и раковиной. Спальни находились на втором этаже, все остальное – на первом. Кроме комнат в доме было устроено небольшое помещение, похожее на эдакий домашний магазин. Он находился перед прихожей и был обставлен без изысков, но удобно: большой шкаф с открытыми полками, отгороженный стойкой, за которой продавец мог сидеть часами и ждать покупателей. Под стойкой, прямо у места продавца, был маленький ящичек с несколькими отделениями – касса. Видимо, раньше в доме жил ремесленник, от него и осталось эта лавка, за которой я смогу заниматься продажей зелий.

Сразу за лавкой находилась прихожая, отгороженная дверью: таким образом магазин был отделен от всего дома и торговля никак не мешала жизни внутри.

Так же на участке находились добротная конюшня со всем необходимым, так что нам не придется оставлять лошадей в

городской конюшне. Леопольд своего Гришу продал сразу, как мы решили остаться, так что места для наших с Арландом животных было достаточно.

Леопольд пришел в восторг от кухни, сбылись его самые смелые мечты: просторная духовка, раковина, внушительный арсенал кастрюль и сковородок, куча приспособлений для гриля, вафель, пюре и прочих радостей жизни! Оборотень бы на седьмом небе.

Но, на мой взгляд, главной роскошью дома был не этот превосходный магазин, а наличие целых двух ванных... с канализацией и даже душем! Конечно, все выглядело не так, как в моем мире – кран больше походил на колонку, а унитаз довольно сильно отличался от совершенства из моего мира, но даже это привело меня в восторг. Сказать, что мне надоело бегать каждую ночь на улицу в разваливающуюся деревянную кабинку, где пахнет так, что приходится дыхание задерживать, ничего не сказать.

Арланду тоже было, чему порадоваться. В его комнате стояла кровать с балдахином, очень маленькое окно и вторая отдельная ванная – идеальные условия для параноика, который боится выходить на свет без трех слоев одежды и даже с женщиной в кровать не ляжет, пока комнату как следует не забаррикадирует.

Мне досталась комната в белых тонах, в немного состаренном стиле. Сначала я хотела вбагрить эту девичью мечту Леопольду, но тот наотрез отказался, гордо заявив, что он

все-таки мужчина, несмотря на все шуточки окружающих. Да, он мужчина, и именно поэтому он будет спать в комнате, где все фиолетовое, шторы с золотистыми кисточками и зеркало во весь его немалый рост.

Впрочем, доставшаяся комната мне даже понравилась, когда я осмотрела ее получше. Через высокое окно в белой раме проникало много света, на широком подоконнике, застеленном пледом и подушками, можно было посидеть и помечтать о чем-нибудь. Мягкая кровать с кованной спинкой, выкрашенной в белый, на самом деле была пределом мечтаний для спины путешественника. Низенький, но широкий округлый шкаф, рабочий стол, полка на стене, на которую так и просились книги с рецептами зелий и учебники по магии, комод, на котором находился горшок с фиалками, и табуретка с мягкой сиреневой подушкой... в общем-то, все было бы не так уж плохо, если бы не старые рисунки на белых стенах, изображающие цветочные кусты.

За кабинет у нас с Арландом разгорелась настоящая война! Он понравился нам обоим, и мы долго спорили, кто в нем будет работать. Мне нужно было варить зелья на продажу, к тому же я запланировала оборудовать лабораторию и провести пару давно запланированных экспериментов с новыми рецептами. Арланду же нужно было где-то обрабатывать досье, работать над своими инквизиторскими схемами, а еще создавать свои чернила и прочие тайные штучки. После получаса ругани мы решили, что разделим подвал на две части

и моя будет та, что с раковиной и креслом-качалкой.

В доме мы осваивались несколько дней, пока разложили вещи, пока запомнили, где чья комната, пока я объяснила Черту, что нельзя жрать садовые деревья и бросаться на прохожих... Только спустя неделю мы в самом деле начали чувствовать себя как дома. Леопольд загорелся идеей повесить нам над дверью табличку с рисунком, рассказывающим о нашей маленькой семье. Он нарисовал герб с котелком для зелий, инквизиторской белой совой и парой театральных масок, отнес это резчику и вскоре над нашим порогом красовалось это нечто. Мы с Арландом не прониклись, а вот Лео был в восторге.

Кроме того, оборотень накупил много странных вещей, которые, в общем-то были не нужны, но в этом городе их принято было держать в домах. Запасные канделябры в числе пяти штук, тапки для гостей, подстилки для грифонов, если с такими вдруг придут к нам гости... В общем, видно было, что оборотня за те несколько дней, которые он провел без нас, полностью захватил гостеприимный дух этого города. Лео на удивление комфортно чувствовал себя среди новой компании и буквально рвался во все стороны, пытаясь попробовать как модно больше нового, будь то костюм, еда, люди или занятие. Ему нравилось быть в курсе всех новостей города, именно он каждый день сообщал нам с Арландом, что и где творится. Круг его знакомых стремительно расширялся, причем все они были из так называемых «сливок» об-

щества.

Первое, что сделал Лео, когда узнал, что мы остаемся в городе надолго, купил себе книгу по шитью местной одежды и спустил все заработанные деньги на ткани. Он заперся в своей комнате и шил почти круглые сутки несколько дней подряд, только через четыре дня он вылез с новым гардеробом заправского щеголя. Теперь нам с Арландом было стыдно выходить с ним куда-то: мы чувствовали себя последними оборванцами! Я как-то в шутку сказала об этом Лео, так он в тот же день утащил меня к себе в комнату и стал снимать мерки, а через пару дней у меня был роскошный сарафан болотного цвета и к нему не менее роскошная кремовая блузка. Цвета сами по себе не очень красивые, но на мне смотрелись очень даже, по крайней мере, так сказал мой личный портной. С обновкой я все-таки смогла пойти на свадьбу Авроры и Иона, не чувствуя себя убогой нищенкой и не пугая окружающих.

Хотя свадьба в конце концов моих ожиданий не оправдала. Арланда и Леопольда отправили к мужикам, а мне пришлось сидеть в компании томных барышень. Они все время хихикали, обсуждали внешность будущих детей молодоженов и пили чай с клубничным тортиком. И все бы ничего, я бы отмучилась пару часиков, посидела бы, поулыбалась для приличия, и сбежала бы. Так нет же, девушки начали расспрашивать меня про Арланда! Как оказалось, наш с ним поцелуй в кафе стал в их кругу сенсацией и теперь

все нас обсуждали. Девушки, сверкая глазами от любопытства, расспрашивали меня о нашей сложной и полной препятствий любви... я включила изобретательность и наплела такого, что хватило бы на нейверский любовный роман. Кажется, я так зарвалась, что под конец они вообще перестали верить, будто между нами что-то есть. Мне, в общем-то, от этого только лучше.

После праздника начались тяжелые будни. Арланд с раннего утра до вечера пропадал в здании Ордена, а Леопольд снова был в поиске работы. Оборотня звали в театр и в кафе, сам же он хотел найти такое место, где он смог бы научиться чему-нибудь полезному. В итоге он выбрал театр, потому что тот только начинал работу и каждый там занимался всем, чем мог. Лео был актером, уборщиком, художником по костюмам и портным.

Мне предстояло работать на дому, с чем возникло немало проблем. Арланд, узнав, что я опять собираюсь незаконно торговать зельями, насильно потащил меня в академию и записал на экзамен по магии, чтобы мне дали бумажку, подтверждающую мою компетентность.

В академии Арланд за меня похлопотал и вместо пяти лет учебы мне дали только полсеместра с условиями: если я, якобы настолько хорошо обученная, смогу начать учебу вместе со старшим курсом в середине года и закончу со всеми остальными студентами, то получу диплом. Арланд заставил меня согласиться, и я стала студенткой. Как подсказала мне

зашевелившаяся память из родного мира, – уже во второй раз.

Мне выдали горку учебников и расписание занятий, а также продиктовали устав студента академии, в котором черным по белому было написано, что о полноценной работе и экспериментах придется забыть и полностью уйти в учебу. Я взбунтовалась и высказала Арланду все, что я думаю об этой затее, но он все-таки убедил меня, что я могу многое, но знаю не все о магии, и в академии эти пробелы восполнят. Тут уже было не поспорить, официальная часть магического дара, ведьмовское самосознание и правильная самореализация, законы, ограничивающие использование магии... ничего из этого ненужного по сути бреда я не знала и это каким-то образом делало меня «неполноценным магом». Интересно, знал ли это все Демонтин?...

Но в академии мне пришлось гораздо хуже, чем я могла себе представить. И дело было не в том, что я чего-то не знала: я спокойно отвечала на все вопросы преподавателей и нередко добавляла что-нибудь во время лекций, хотя все, что я говорила, никак не относилось к тексту учебников. В первые же дни заработала репутацию дикой невоспитанной выскочки, но самой главной проблемой стало не это. Дело было в разнице между мной и тепличными колдунишками, которые ни разу не участвовали в настоящем бою! Их головы были забиты схемами из тетрадей, они совсем иначе воспринимали магию и почему-то гордились тем, что все усложня-

ют! К «диким» магам, таким, как я, они относились враждебно и с презрением.

Студенты передо мной задирали носы и даже пытались издеваться, преподаватели, которые с чего-то решили, что я ничего не стою, позволяли себе высмеивать меня на уроках. Конечно, они делали это не в открытую, но все всегда понимали, что очередная убийственно остроумная шуточка снова в адрес оборванки-Бэйр, дикарки с Равнин. Главными поводами для насмешек были, естественно, моя внешность, «мертвая» для магии рука и странная одежда.

При всей моей вспыльчивости, появившейся в последнее время, я смиренно терпела насмешки и издевки, но только потому, что до экзамена я просто не могла позволить себе спалить академию. Если бы не Арланд, который головой за меня отвечал, я бы еще в первый день показала бы всем этим ученым, чего они на самом деле стоят... Хотя мой час однажды все-таки настал.

Как-то я перепутала зал и попала на практику для элитной группы старшекурсников. Учитель, который невзлюбил меня за то, что я не владею нужными терминами и дерусь посохом, а не двумя руками, как приличный боевой маг, решил использовать меня как подушку для битья, отобрав мой посох. Студентам нужно было на ком-то испробовать новое заклинание и посмотреть на него в действии. Маг, считавшийся лучшим на факультете и который больше всех надо мной издевался, встал против меня, однорукой калеки, и че-

рез три минуты визжал, как свинья на бойне... к сожалению, его вовремя от меня убрали и я не смогла его достаточно хорошо помутузить: наверняка из-за этого потом возникли бы проблемы. С тех пор меня начали если не уважать, то побаиваться.

После победы на практике последовали успехи на зельеварении, хотя я делала все по-своему, а не так, как сказано в учебниках. Затем появился учитель по созданию талисманов и посохов, с которым я сразу поладила, биология мистических животных, которую я с удовольствием учила, а так же магический аналог физики и высшей математики, где мне отлично помогли всплывшие в памяти увлечения прошлой жизни... Шаг за шагом, и постепенно меня признали в академии. Самые догадливые из студентов стали набиваться мне в друзья и пытаться научиться у меня чему-нибудь. Я, как и советовал Кудеяр, охотно обучала их, но далеко не всему, что сама знала. Навыки и приемы боевой магии – это не то, что стоит передавать кому-нибудь до собственной пенсии. Неизвестно, кто попадетса тебе на поле битвы, так говорил мой учитель.

Через три недели в академии у меня даже появились друзья, с которыми я иногда выбиралась погулять. Это были в основном старшекурсники, но и маги помладше тоже затесались. Три девушки и два парня, потом к нам еще прибился тот колдун, которого я победила на практике. С ним я в итоге очень даже хорошо сошлась... так хорошо, что он меня

пару раз звал на свидания, но оба раза получил отказ.

Чем больше у меня становилось друзей, тем больше становилось проблем с инквизитором. Арланд мало того, что невзлюбил местных колдунов, он еще и оказался ужасным ревнивцем и косо смотрел чуть ли не на каждый столб, возле которого я проходила! Понятия справедливости в его голове гасли, как только возле меня появлялся кто-нибудь мужского пола. Будь его воля, он бы меня где-нибудь запер в одиночестве! Этого не происходило только потому, что несмотря на протест Арланда, я все же потихоньку продавала зелья и свои деньги у меня водились, хотя и небольшие. Поэтому я могла себе позволить иногда посидеть с друзьями, не спрашивая у опекуна разрешения.

Леопольд к тому времени, когда я стала преуспевать в академии, уже пару раз вышел на сцену и был признан зрителями. Его заметили несколько людей из высшего круга, и он был приглашен на пару приемов. Вскоре он стал знаменит, в своем доме его желал увидеть каждая мало-мальски значимая семья в городе.

С одной стороны Лео был рад успеху и признанию, но с другой ему было очень тяжело. Я нередко находила его в комнате зареванным. Давление со стороны хозяев театра, недосып, невозможность заниматься чем-то, кроме подготовок к выступлениям, все это быстро истощало его. К тому же, он больше не находил свободного времени для того, чтобы перевоплощаться в животных. Раньше он никогда не делал

таких перерывов, оборачивался минимум два раза в день, сейчас же он мог проходить в одном теле несколько суток, а это, как оказалось, ему противопоказано. Если он долго не оборачивался, у него начинало ломить все тело, поднималась температура, в итоге он падал в обморок и превращение происходило само собой – он становился крысой. Видимо, крыса, это был самый первый оборот в жизни Лео и поэтому именно крыса была «запрограммирована» на уровне инстинкта в случае опасности. К счастью, такой припадок у него случился дома, а не на сцене. Поняв, что тело против таких застоев, Лео стал спать в облике кота, а к театру летать орлом, и это, вроде, избавило его от проблем.

Кроме жизни в театре у Лео худо-бедно стала развиваться личная жизнь. Девиц к нему тянуло, как ос к варенью, мужчины его не любили и пару раз даже пытались побить... Оборотень решительно не понимал, чем это все вызвано и очень расстраивался. Как-то раз я нашла его на кухне трясущимся, с огромными круглыми глазами. У него был шок: к нему начала приставать Лариса, жена хозяина театра, и он не знал, что делать.

Жизнь Арланда тоже круто поменялась. Он теперь много работал. Гоняясь за одержимыми, он параллельно наставлял немногочисленных разбойников на путь истинный и благословлял людей на рождение детей, браки и так далее. Городской инквизитор – звание вроде городского супергероя, борца со злом. Что и говорить, я своим доморощенным ангелом

справедливости безумно гордилась!

Хотя инквизитор и уставал, как собака, теперь, возвращаясь домой, он выглядел счастливым. Наконец-то он мог исполнять свой долг и никому при этом не вредить, не прятаться, идти по выбранному пути, не сворачивая из-за преград своего второго я. Жизнь в городе стала для него долгожданным этапом, когда он мог почувствовать себя нормальным человеком уважаемой профессии, а не опасным чудовищем, которому нужно скрываться от охотников.

Арланду нравилось возвращаться после тяжелого дня в свой дом, где его встречали мы с Лео и готовый ужин. Он растекался от удовольствия, усаживаясь в кресло напротив камина, мог часами смотреть на огонь и наслаждаться спокойной теплой атмосферой собственного дома. К тому же, что не мало важно, он все-таки перестал хвататься за бутылку, и редко пил что-то, кроме своей святой воды.

Но нормальная жизнь, в общем ее понимании, ограничилась для него только домом и профессией. Арланд не спешил заводить друзей, он вообще очень неохотно шел на контакт с чужими... даже странно было, что Лео в итоге оказался куда более общительным, чем его брат. Зато Арланд старался как можно больше времени проводить с нами. Несколько раз они с Лео ходили в местные пивные, разговаривали о чем-то своем и, в общем-то, стали близки, как должны быть близки братья.

Ко мне инквизитор стал относиться иначе, поначалу меня

даже напугали эти перемены. Причем больше меня пугала не настойчивость, с которой он стал стучаться ко мне в комнату по вечерам, а повальный интерес ко всему, что я делаю. Он стал интересоваться моей жизнью в академии, опытами, полученными знаниями... Когда он узнал, что в академии меня пытаются травить, чуть не пошел разбираться, благо я вовремя его остановила! Но в итоге все равно несколько самых задиристых магов внезапно успокоились и стали избегать даже на глаза мне попадаться.

Иногда мы с ним выбирались гулять в парк, когда было уже совсем поздно и мало кто мог увидеть нас вместе, но чаще всего нам приходилось довольствоваться обществом друга друга в гостиной. Мы разваливались на диване и читали, я учебники, а он что-то по работе. Было похоже на совместный просмотр фильмов в моем мире.

У нас, конечно, случалось немало поводов для ссор, мы часто ругались... возможно, даже чаще положенного. Но в то же время мы всегда могли прийти друг к другу с любой проблемой, выслушать и, главное, понять и поддержать. Все же у меня были вещи, которые не понял бы даже Лео, у Арланда было множество сомнений в своей работе, которыми он ни с кем не мог поделиться и которые доверял только мне.

Я чувствовала, что мы стали друг другу слишком близки, и это пугало меня. Во время одной из ссор мне снесло крышу, я говорила Арланду о том, что не заинтересована в нем и все дело тут в скуке и любопытстве, что я с ним просто

пока не появится кто-нибудь стоящий, или даже что это все для того, чтобы помочь ему, скромному монаху, хоть немного раскрепоститься, чтобы он в свои двадцать шесть хотя бы знал, что такое женщина... При всех этих ужасных словах, которые я могла наговорить сгоряча, меня ужасно пугала мысль о том, что он и вправду может когда-нибудь уйти из моей жизни. Когда лежала с ним, уставшим и крепко спящим, в постели, я готова была до бесконечности вдыхать запах его волос, целовать его плечи, прижиматься к его груди, пытаясь почувствовать тепло кожи через одежду. Тогда я ощущала такое всеобъемлющее счастье, что меня начинало трясти от тревоги, что это может кончиться, и слезы без причины выступали на глазах. Это было настоящее безумие, но я ничего не могла с собой поделать.

Арланд тоже не был подарком и мог наговорить всякого, не знаю, как мы не разбежались по разным концам города, возможно, слишком хорошо понимали, что творится друг у друга в голове, и потому прощали так же легко, как срывались.

Так прошло четыре месяца, а потом я влипла в небольшую историю. В академии я случайно замечталась во время эксперимента и взорвала дорогой котел, влетев на десять золотых. Поскольку таких денег у меня не было, пришлось отработать, подготавливая магические предметы для лабораторных работ младших курсов. После занятий, закончившихся в четыре часа дня, мне пришлось остаться в кабине-

те преподавателя зачаровывающих искусств, там я провела все время вечера, а потом мужчина вызвался проводить меня, ибо опасны темные улицы для такой юной леди. Мне было проще согласиться, чем объяснять, почему меня не надо провожать.

Преподаватель, вызвавшийся меня проводить, был настоящим тангейцем. Коренастый махровый мужик, смуглый и черноволосый. Его ресницы были настолько густыми, а веки темными, что казалось, будто глаза подведены тушью. Волосы он собирал на затылке в тугой пучок и зачем-то вставлял в этот пучок длинные палочку с выточенными узорами. Бородку он заплетал в косу и нанизывал на ее кончик цветные бусины. Об одежде и говорить было нечего – ткани он явно покупал у контрабандистов из Охмараги.

Странный имидж профессора привлекал внимание, многие студентки по нему откровенно сохли, остальные крутили у виска и называли его клоуном. Но, в общем-то, учитель он был неплохой, запросто общался со студентами, шутил, помогал по мере возможностей, но и слишком мягким не был.

У меня с этим экзотическим чудаком отношения сложились странные. Он часто подшучивал надо мной, но видно было, что он испытывал ко мне учительскую симпатию. Мне же было на него настолько все равно, что я даже имя его не запомнила и теперь шла, надеясь избежать разговора, в котором некстати могла раскрыться моя забывчивость...

– Бэйр, тебе не холодно? – заботливо спросил он по доро-

ге.

– Нормально, на самом деле, – я пожала плечами. Уже выпал первый снег и погода была соответствующая. У меня руки никак не доходили купить себе что-нибудь теплое, поэтому я носила осенний плащ, в котором было не так уж и холодно с парой-тройкой обогревающих заклинаний.

– Я слышал, ты живешь с инквизитором? Он твой опекун?

Ну вот, он заводит разговор... и так странно. Зачем ему знать про Арланда?

– Да. А что? – я недоверчиво посмотрела на мужчину. И чего он от меня хочет? Проводить навязался, про Арланда спрашивает... уж не хочет ли он что-то вынюхать?

– Не легко тебе, наверное, – предположил он.

– С чего вы это взяли?

– Инквизиторы не слишком ласковы с ведьмами. Ты привыкла к свободе, это видно по тебе. Делаешь, что нравится, ни у кого не спрашивая, всю жизнь вольная птица, а теперь под надзором белых сов. Ни один маг не потерпит такого.

– Мне повезло с опекуном, мы отлично ладим, и он меня почти не ограничивает.

– Так тебя не тяготит это? – он как будто удивился, даже приостановился ненадолго. – Ты кажешься мне настоящей дикаркой... в хорошем смысле, конечно. Не думал, что ведьма с Равнин может потерпеть главенство инквизитора.

– К чему все это? – я повернулась к преподавателю и посмотрела на него в упор. Хотя он был выше меня на полторы

головы и вряд ли я могла выглядеть для него грозной, но я постаралась. – Что вы хотите услышать от меня?

– Ладно... давай на чистоту, – миролюбиво улыбнулся он. – Ты талантливая ведьма и мы оба знаем это. Твои силы огромны, и ты быстро учишься управлять ими. Такой дар большая редкость... ты была бы настоящим сокровищем для академии. Почему бы тебе не поступить к нам на работу в следующем году? Ты смогла бы стать магистром и это избавило бы тебя от надзирательства, а покровительство академии дало бы тебе много возможностей.

– Наверное, это прозвучит грубо... но ведь мы сейчас не в академии, вы не мой учитель, а я не ваша ученица, так? – я вопросительно взглянула на мужчину и продолжила, не дождавись ответа. – С чего вы взяли, что академия даст мне больше, чем я смогу узнать сама? Пока мои методы работают эффективнее, чем ваши, я состязаюсь с выпускниками и побеждаю! Вы нагоняете на магический дар тучу формальностей, которые его только сковывают и ослабевают! Мне это не нужно. К тому же я не хочу оставлять своего опекуна. С чего вы взяли, что мне с ним плохо?

– Ты не права насчет академии, – спокойно ответил преподаватель. Наконец, я вспомнила его имя. Его звали Райнар. – Сама посуди, разве могут быть знания, накопленные одной ведьмой, больше знаний, собираемых годами архимагами?

– Мои учителя тоже были против академии, – я усмехну-

лась. Истэка любил академию, но учиться в ней не советовал, Кудеяр придерживался того же мнения, как говорил Рэмол, при одном только слове «академия» у него начинают выпадать перья.

– И кто же твои учителя? Старухи из племени?

– Ага, – я едва сдержала смехок. – И еще крестная фея.

– Какая еще фея? – удивился Райнар. – О чем ты?

– Я так шучу, – объяснила я, улыбаясь. – Я имела ввиду, что вы слишком предвзято относитесь к моей родине. Да, мы не носим украшенных мантий и не бросаемся умными словами, зато ни один ваш маг не устоит против равнинной колдуньи. Это даже вы отрицать не можете.

– Я и не буду отрицать. Может, академия не даст тебе могущества, но зато она покажет тебе твою силу с другой стороны. У тебя есть возможность выучиться всем приемам магии, так не ограничивай себя уже известными тебе дикими методами! Это неразумно.

– Посмотрим, – уклончиво ответила я, пока еще не понимая, к чему он ведет.

– Для мага нет ничего важнее, чем его дар, – продолжил Райнар. – Подумай на досуге о том, что я тебе сказал.

– Непременно, спасибо, – мы уже подходили к моему дому, и я ускорила шаг.

– До завтра, Бэйр, – Райнар остановился у калитки и вперил в меня внимательный взгляд своих черных глаз. То ли свет с фонарей как-то не так упал, то ли еще что, но поче-

му-то я увидела в его лице до боли знакомые черты Дейка.

Задумавшись о рыцаре, я стояла и пялилась на преподавателя, пока не поняла, как это выглядит со стороны.

– Знаешь... – учитель заговорил вновь. – Я уверен, что ты сдашь экзамен и больше не вернешься в академию. Все же не твое это... Может, тогда ты согласишься позаниматься со мной? Я мог бы научить тебя работать с неодушевленными предметами, управлять ими. В академии такому не учат, но тебе это может быть интересно. Ты знаешь, что такое големы?

– Да, – я очнулась от воспоминаний о рыцаре. Слова о големах заинтересовали меня так, что я мгновенно забыла обо всем, о чем только могла забыть, и Райнар понял это.

– Мне кажется, тебе будет интересно это узнать. Я чувствую, что это мой долг, дать тебе как можно больше. Нельзя отпускать тебя с совсем пустой головой! – улыбнулся.

– Конечно, если вы сами предложили, я с радостью с вами позанимаюсь, – кивнула я. – Думаю, големы, это то, что мне нужно. Это ведь одна из ступеней метамагии, а это именно та сфера, в которой я хочу развиваться!

– Тогда обсудим это завтра, когда встретимся в академии. Насколько помню, тебе еще около месяца придется работать в моей аудитории на побегушках, так что до скорого!

Махнув мне рукой, Райнар отправился в дорогу к своему дому. Я же отперла калитку и стала пробираться по заснеженному саду к крыльцу теплого и уютного дома.

На пороге меня встретил Леопольд. Он приготовил что-то новенькое и, видимо, не мог дожидаться моего прихода, чтобы накормить меня и узнать, насколько хорошо у него получилось в этот раз. Арланда дома не было: пару дней назад он уехал на задание с очередным одержимым.

– Как прошел день? – вертясь вокруг меня, Лео помогал мне снимать плащ. – Все было хорошо?

– Да, только оставили после занятий, заставили готовить целому курсу предметы для лабораторной работы. Работенка не сложная, но занудная до смерти, и мне предстоит заниматься этим еще месяц! – пожаловалась я, проходя через гостиную на кухню, откуда очень вкусно пахло чем-то мясным.

– Я приготовил утку в апельсинах с медом! – улыбнулся Лео.

Не прошло и минуты, как я уже сидела за столом на нашей уютной кухне и с жадностью вгрызалась в хрустящую ножку. Леопольд сел рядом и с интересом наблюдал за тем, как я ем.

– Ты бог, Лео! Просто бог!... – сказала я, как только смогла оторваться от вкуснейшего мяса. – Как твоя подготовка к спектаклю, кстати?

– Ой, не спрашивай, – простонал оборотень и закрыл лицо руками. – Эта дурацкая пьеса про морского рыбохвоста стала популярной, и мне снова придется играть этого надменного юношу... Я говорил Фиару, что это унижительно, но он настоял на своем! Зрителям нравится, а их слово – закон. К тому же еще его жена...

– Что с ней? – спросила я, приготовившись утешать друга. – Неужели эта чокнутая опять к тебе приставала?

– Она сказала, что хочет дать мне пару уроков актерского мастерства, якобы я что-то не так делаю и склад ума у меня особенный, мне надо все индивидуально объяснять, а не как всем остальным в труппе! В общем, она опять звала меня к себе в гримерную поздно вечером... я уже не знаю, как ей объяснить, что я ни о чем подобном даже не думаю! – в голосе оборотня звучало столько отчаяния, что над его проблемой даже посмеяться было нельзя. – Я уже думаю сказать Фиару, что она делает мне неприличные намеки! Еще немного и я не выдержу, точно расскажу! Даже если вылечу из театра...

– Ладно, не будем о грустном, – вздохнула я, сочувственно потрепав Лео по плечу.

Тут хлопнула дверь и прозвенел звонок. Кто-то пришел.

– Ну вот и ты! Я думала, ты приедешь раньше! – выбежав в прихожую, я кинулась Арланду на шею, чмокнула его в холодную шершавую щеку и быстро отпрянула, понимая, что бедолага после двух дней работы слишком устал.

Инквизитор поспешно скинул белую мантию, стянул с себя сапоги и поплелся на запах еды.

На кухне мы усадили его в кресло, дали тарелку с ужином и оставили на некоторое время в покое, чтобы он мог прийти в себя после долгой поездки.

– Как у вас с Шарлоттой все продвигается? Ты, кажется,

собирался пригласить ее на свидание? – спросила я у Леопольда, улыбаясь. Эта музыкантша ему до смерти нравилась. До сих пор потребность в любви оборотень реализовывал в обличиях животных, Анук не в счет, и строить настоящие отношения по всем правилам ему было очень тяжело.

– Пока еще не пригласил, – признался оборотень и тоже заулыбался. Ему нравилось говорить об этой девушке, какой бы ни была тема разговора. – Я хочу сводить ее в какое-нибудь особенное место... чтобы все было как следует. Немного подзаработаю, найду подходящее место, и тогда приглашу ее.

– Долго не тяни, она не будет ждать вечность, – вдруг заметин инквизитор, оживший после первой утиной ножки. Он продолжил, запихав себе в рот картофелину: – Хак я пофняла, пефец и стфудент из фашей... компании тоже имеют на нее виды.

– Разве? – Лео нахмурился. – С чего ты взяла?

– Они к ней явно не как к подруге относятся, наверняка уже не первый раз предлагают ей встретиться наедине, – кивнул Арланд.

– Пусть только попробуют... – проворчал Лео. Он сам не заметил, как нахмурился.

– Я бы посоветовал сводить ее в «Дивный Сад», – инквизитор поспешил направить тему в нужную русло, чтобы не доводить Лео до отчаянной ревности, которая у Сеймуров, видимо, была семейной чертой.

– Что это такое, «Дивный Сад»? – мгновенно переключился оборотень.

– Это ресторан, – объяснила я. – Арланд притащил меня туда как-то... цены заоблачные, но готовят там нечто совершенно невообразимое.

– Готовить я и сам умею, – фыркнул оборотень.

– Тогда пригласи ее к нам и приготовь что-нибудь, а мы с Бэйр куда-нибудь уйдем, – предложил Арланд. – Хочешь так?

Судя по лицу Леопольда было видно, как ему очень понравилось, что теперь это нам придется куда-то уходить, чтобы не портить ему романтику.

– Давайте... но это будет не свидание, а просто встреча. На свидании я ее все-таки свожу куда-нибудь!

– Как знаешь, – пожал плечами Арланд.

Мы просидели за болтовней еще немного, а потом я отправилась спать, оставив братьев одних. Они и без меня всегда находили, о чем поговорить.

Несмотря на усталость, сон ко мне не шел, не оставляло чувство, что чего-то не хватает. Я ворочалась, пыталась занять голову какими-нибудь умными мыслями, но из этого ничего не вышло: мой мозг был неспособен на глубокие размышления.

Когда я услышала шаги Арланда, который поднимался к себе в комнату, я поняла, чего мне, возможно, не хватает.

Посвятив несколько минут сомнениям, я встала, накину-

ла на плечи теплую шерстяную кофту и тихонько вышла в коридор.

– Ты одет? – спросила я, постучавшись в дверь Арланда.

– Да, входи, – раздалось изнутри.

Войдя, я закрыла за собой дверь на щеколду.

Инквизитор только вышел из своей личной умывальной, где обычно переодевался на ночь. Сейчас он был в снежно-белом костюме, состоящим из рубашки плотной ткани, штанов, длинных теплых носок и перчаток. Обычно Арланд распускал волосы перед сном, поэтому его лицо выглядело немного иначе... а тут еще этот полумрак.

Он устало посмотрел на меня, а потом молча отвернулся и пошел к углу, в котором находился его маленький алтарь – стол и полка над ним, на них были разложены все необходимые предметы. Там стояли специальные свечи, большая серебряная чаша, наполненная святой водой, в ней по ночам заряжалась серебряная цепь, наручники и несколько инквизиторских оберегов. Знаки и символы, начерченные на деревянной поверхности стола белым мелом, создавали и преображали курсирующие в это месте комнаты потоки энергий, беря как основу силы огня со свеч и воды из чаши. Таким образом у Арланда было свое заряженное особой энергией пространство, куда он на ночь складывал всю свою экипировку, чтобы очистить ее от разной нематериальной грязи, которой после работы с одержимыми всегда было полно.

Стараясь не мешать Арланду проводить ежевечерние ри-

туалы, я тихо подошла к кровати и забралась под одеяло, стала наблюдать за инквизитором.

Он опустился на колени перед алтарем, сложил ладони около лица и, сгорбившись, закрыл глаза. Со стороны можно было подумать, что он молится кому-то... но нет, он сам был источником белого пламени, а значит просто медитировал, наполняя своей силой алтарь и пространство комнаты.

Закончив, Арланд поднялся с колен и, погасив единственную горевшую в комнате свечку, в темноте направился к кровати.

– Бэйр... сегодня я слишком устал, – ответил он убитым голосом, когда я обняла его.

– В последнее время мы редко видимся. Можно предположить, что я могла зайти просто для того, чтобы немного побыть с тобой, – я отстранилась и дала инквизитору устроиться под одеялом так, как ему будет удобно, затем легла рядом.

– Знаешь, сегодня я изгонял привидение, – рассказал Арланд, ложась на спину и подкладывая руку под голову. Я устроилась у него на плече, положив руку на грудь. – Помнишь Дороти? Этот случай был очень похож на ее... Только я изгонял из башмачника швею.

– Швея-призрак? Что-то новенькое, – ответила я, подавив зевок.

– Это точно, – согласился Арланд. – Причем странно уже то, что обратились ко мне не родственники башмачника, а

родные старухи. Они сказали, что к ним приперся старый незнакомый дед и стал утверждать, будто он – их бабушка, работающая на местной фабрике. Этот случай с подселением еще удивителен тем, что старушка умерла меньше недели назад естественной смертью. Дороти, чтобы вселиться в тело человека, должна была многие годы копить силы и проводить ритуалы. У старушки ни Леопольда, ни стольких лет не было, и, тем не менее, она завладела телом старичка, которого при жизни никогда не видела.

– Что вообще за ерунда с этими подселениями? – недовольно спросила я. Это была уже не первая ночь, когда он рассказывал мне об этих странных событиях. – Призраки в этом городе как будто взбесились, ты почти каждую неделю кого-нибудь изгоняешь!

– Эта ситуация настораживает всех в городе уже, – серьезно сказал Арланд. – Сейчас я большую часть дня сижу в Ордене, разбираю свидетельства о смерти за последние месяцы и случаи подселений. Иногда при изгнании можно определить, кем раньше был призрак, иногда нет, и сейчас, изгоняя, я всегда пытаюсь наладить контакт с духом. Я пытаюсь понять систему, по которой это происходит, какие именно души подселяются и к кому... пока я не могу определить ни одной закономерности, все происходит совершенно спонтанно! У живых и у мертвых нет ни одного сходства, все они разные люди, видевшиеся или не видевшиеся при жизни. Как будто какая-то неведома сила заставляет их вселяться в тела,

толкает их в чужую плоть...

– Надеюсь, своим пациента ты не говоришь об этом таким страшным тоном? Так можно посеять панику в городе! – заметила я. – Не говоришь ведь?

– Нет, я не говорю с ними таким тоном, – ответил Арланд, и я сразу поняла, что с ними он говорит еще хуже. – Но паника и так уже поднялась на радость местным ведьмам и ведуньям: к ним все ходят за оберегами и защищающими талисманами! – он нахмурился и заговорил раздраженно. – Эти крысы продают всякую чепуху за большие деньги, а потом счастливые обладатели подобных талисманов попадают ко мне на ритуалы по изгнанию, сообщают о сомнительной колдунье, и я вынужден гоняться за этой гнидой по всему городу!

– Ты совсем заработался, вот что я скажу, – сделала вывод я. – Не думаешь взять выходной?

– Нет, но я хочу попросить тебя кое о чем, – неожиданно сказал он, повернувшись ко мне.

– Я внимательно тебя слушаю.

– Талисманы для защиты. Те, кто не верит уличным колдуньям и трясется за свою безопасность, готовы покупать обереги у инквизиторов... я пытался им объяснить, бело пламя не продается, но от меня все равно требуют защитных побрякушек. И я нашел решение этой проблемы, которое понравится и тебе, полагаю. В общем, я даю тебе задание: придумай такой талисман защиты от духов, чтобы он

был действенный и его можно было производить в больших количествах! Я помогу тебе в этом, объясню принципы.

– Хочешь, чтобы я делала талисманы для всего города!?

– Нет, я хочу, чтобы ты его разработала. Отдадим твою разработку в Орден, а там уже разберутся, как наладить производство. Я знаю, это по твоей части.

– Ведьма, работающая на инквизиторов?

– Это нормально, никто не осудит тебя, – успокоил меня Арланд, погладив по плечу. – К тому же, на тебя надеются многие люди. В каком-то смысле ты будешь героем... И сама подумай, если одержимых будет меньше, у меня появится больше свободного времени, которое я смогу провести с тобой, – чмокнул меня в щеку, чтобы окончательно убедить.

– Смысл в твоём свободном времени, если мы все равно на людях вместе не можем показаться из-за устава Ордена, запрещающим инквизиторам носить что-то, кроме формы!?!... – почувствовав, что начинаю заводиться, поворачивая разговор на ненавистную тему, я поспешила успокоиться. – Ладно, я попробую сделать талисман. Кудеяр учил меня этосу, мне понадобятся лишь некоторые технические данные от тебя.

– Ты чудо! Я знал, что ты согласишься и мне не придется идти в академию за чопорным архимагом, – обрадованный инквизитор стиснул меня в объятиях и еще раз поцеловал в щеку, уже крепче.

Засыпая, я раздумывала над талисманом. В голове уже

крутились названия книг, которые надо будет прочесть... Только к таким книгам надо еще доступ получить: для простых студентов они закрыты.

Не нужно было видеть будущее, чтобы предсказать, чем кончится наше с Арландом совместное утро: мы оба чертовски опаздывали! Уже перевалило за полдень, и нам пришлось, не завтракая, лететь по делам. Я решила отправиться в академию на Черте, чтобы не терять ни минуты.

Оставив коня в саду и строго-настрого запретив ему уходить, я побежала на лекцию по зельеварению, которую вела старушка в высоком остроконечном колпаке. Я прозвала ее Минервой за характерную внешность колдуньи-учительницы. На ее лекции у меня получалось опаздывать чаще всего, и выкарабкивалась я только за счет своего общепризнанного таланта: ей не к чему было придраться, вот и приходилось ставить мне хорошие оценки.

Робко постучавшись в дверь аудитории, я вошла внутрь, всем своим виноватым видом выражая глубокое раскаяние.

– Садись, Бэйр, – сухо велела мне Минерва и продолжила зачитывать рецепт из учебника.

Пока я шла к месту, успела понять, на какой они сейчас теме и рецепт чего они все пишут. Фыркнув, я быстро начеркала в тетради Кудеяровскую версию этого зелья и стала ждать, когда писанина кончится.

– Ну тебя и почерк, ничего не понятно! – возмутилась Люська, моя подруга с недавних пор.

Это была моя ровесница, двадцатилетняя рыжая ведьмочка из хорошей семьи, куда она в свое время не вписалась и в итоге была сослана в академию. Училась Линда, – а именно так на самом деле звали девушку, – спустя рукава. Дара ей не хватало, асимметрия была маленькая, поэтому в учебе ей приходилось тяжело. Пару раз ее могли исключить за заваленные экзамены, но ей удавалось выкрутиться. Спасали друзья, которых у нее была вся академия, и шпаргалки, в изготовлении которых она была мастер.

Выглядела Люська очень милой, с первого взгляда даже могла показаться пайнкой и примерной девочкой. Хрупкое телосложение феи создавало ложное впечатление слабости и беспомощности, волосы у нее были прямые, она закручивала их в два забавных рыжих пучка на затылке, лицо вытянутое, покрытое кляксами-веснушками. Со спины или сбоку Люська выглядела очаровательной милой девушкой, но стоило встретиться с тяжелым взглядом ее темно-зеленых глаз, как сразу становилось ясно, что такой рыжий кролик и крокодила сожрать сможет, если захочет. Крокодилов Линда, конечно, не ела, и задирой не была, но, когда требовалась, становилась напористой и упертой, могла и нос расшибить, и зубы выбить, но только из самообороны. Как по мне, так это было женское воплощение Люциуса, только пока не сошедшее с ума. Собственно, в память о чародее, обреченном доживать свой век лошадью, я и наградила девушку прозвищем Люська.

– Иногда у меня складывается такое впечатление, что ты писать не умеешь! – пожаловалась она, щурясь и утыкаясь носом в мою тетрадь. – Что это у тебя за «юн» такая странная?

– Какая еще «юн»?

– Буква, Бэйр, буква такая... – раздраженно объяснила она, думая, что я шучу. – Продиктуй, что ты тут написала, ничерта не понимаю!

– «На половник тридцать сильф чистой энергии с жасминовым порошком», – продиктовала я то, что было записано сокращенно. – «Если без порошка, то двадцать чистой и заклинание конденсации».

– Чего-чего, какой еще конденсации!? Вы там на своих равнинах совсем обалдели, попроще ничего не могли придумать!? Что это за ругательство такое, «конденсация»!? Меня так даже декан еще не называл!... – распалившись, Люська всплеснула руками, а потом уткнулась в свою тетрадь.

Почерк мой, вопреки всем замечаниям окружающих, был вполне читаемый, хотя буквы были слишком узкие и имели большой наклон вправо. Проблема была в том, что на повсеместном этого мира я могла только читать, и то это благодаря знаниям из прежнего мира: здешние буквы были очень похожи на латинские. Прежняя Бэйр ни читать, ни писать не умела. Мне же писать как-то лень было учиться, запоминать еще все эти ненужные закорючки над латинскими буквами, заучивать сочетания букв, обозначающих такие звуки,

как «Ё» и «Ю» или «Й», причем сочетания эти всегда были разные... без всего этого мне пока очень даже хорошо жилось, значит и обойтись было можно. А вот писать на моем родном алфавите я даже тетрадь Маггорта научила, теперь ее вообще только я могла читать. Все-таки осталось что-то полезное в моей голове из прошлой жизни!

После лекции мы отправились в зал, где варили зелья. Я свое сварила, а потом пошла в тихую помогать Люське. Под конец послушала ругань Минервы на тему того, что я опять не желаю учиться и засоряю свою голову и головы окружающих студентов незаконными Равнинными рецептами и бла, бла, бла, бла....

Наконец, настал долгожданный перерыв в двадцать минут, можно было поторчать в коридоре и перевести дух.

– Ты чего опоздала-то, черномазая? – поинтересовалась Люська, усаживаясь с ногами на подоконник у витража. Такие витражи с широкими длинными подоконниками были расположены на стене вдоль всего коридора, напротив них находились аудитории. Очень удобно для студентов, которым не очень-то нравилось все перемены проводить стоя.

Мы с Люськой находились в самом начале коридора, рядом с лестницами наверх и вниз, по которым носились остальные студенты и преподаватели.

Осмотревшись кругом, я тайком достала трубку Арланда, набила ее табаком и закурила, задумавшись.

– Эй, ау! – Люська умудрилась изловчиться и дернуть ме-

ня за одну из косичек. С тех пор, как в моей памяти всплыли обрядовые прически равнинных ведьм, я стала иногда добавлять в копну распущенных волос небольшие косицы толщиной в мизинец, от их расположения и материала бусин зависело назначение, для удачи, на хорошую мысль, для силы или любви... было множество сочетаний. Я пыталась объяснить окружающим, что значат эти косицы, но меня никто не слушал, все только и делали, что дергали, дергали, дергали... – Ааауу! Ты там живая еще?

– Чего тебе? – раздраженно обернулась я, убирая волосы за плечо.

– Там Кривая идет, прячь быстро трубку! – крикнула Люська, и я быстро заложила руку с трубкой за спину.

Учительница с горбом, на котором вечно лежала толстая черная кошка, проковыляла мимо нас, одарив подозрительным взглядом. Не заметив ничего, к чему можно было придраться, она хрюкнула и проковыляла мимо.

– Фууух... жуть какая! У меня от этой страшили вечно мурашки по коже! – скривилась девушка, посмотрев ей вслед. – Знаешь, с трубкой ты так скоро попадешься! Нельзя курить в академии, сколь раз я тебя говорила!? – строго сказала Люська, украдкой прикладываясь к моей трубке. – А табак роскошный... И где ты его берешь?

– Сама мешаю, – пожала плечами. – Могу дать пару рецептиков.

– Привет-привет всем! – к нам подошел отличник и на-

дежда всей академии, тот самый, которого я зверски избил на состязании и который звал меня на свидания, не зная, что одни мысли обо мне могли стоить ему свободы. – У меня есть обед, могу поделиться...

– Обед!? – мы с Люськой обрадовано переглянулись.

– Кажется, для Бэйр это только завтрак, – хмыкнула девушка, когда я жадно вгрызлась в бутерброд с ветчиной, отданный мне Чижом. – Так где ты была целых две лекции?

– Да, где ты была? Райнар был недоволен, когда не увидел тебя в аудитории, – подхватил Чиж, или Фаблус, как его на самом деле звали.

– Да какая разница? Проспала, бывает, – отмахнулась я.

– На чем же ты таком спишь, что у тебя следы зубов на шее? – ехидно ухмыльнулась Люська.

Чиж тут же уставился на мою шею и побагровел от злости, так как с чего-то считал меня своей девушкой.

– Блин... – я тороплив поправила ворот рубашки. – Не смотрите, это вам все кажется!

– Держи мой шарф, прикроешь, – Люська подала мне свой зеленый шарф, продолжая ехидно ухмыляться. – И кто этот несчастный, которого ты затащила в постель? Признайся, это все было для какого-нибудь запретного ритуала, да? Преподавательница по аурам вчера, когда тебя не было, сказала нам, что ты пленила демона и забрала его силу, у тебя и сил от того больше, чем у нас...

– А разве есть такие ритуалы? – я невинно округлила гла-

за.

– Конечно! Все старшекурсницы с темного так делают! Прибавляет едва ли не два ряда в асимметрии! Я и сама думала, но, страшно...

– Скорее всего Ионора Лабава пошутила! – воскликнул Чиж, чувствуя своим долгом защитить меня. – Я не верю, что Бэйр пошла бы на такое омерзительное преступление!

– Эй, не надо меня защищать, Люська просто шутит, – я улыбнулась и положила руку на плечо парня. – Какой-то ты нервный в последнее время. Экзамены не скоро, зачетов нет, так в чем причина? – я развернула его к себе лицом и внимательно посмотрела ему в глаза, говоря запредельно серьезным тоном. – Знаешь, скажу тебе, как практикующая ведьма, ты становишься похож на психопата. Как-то на Равнинах в нашем селении один парен тоже вдруг стал нервным и дерганым, а потом... – я сделала торжественную паузу, наслаждаясь реакцией испугавшегося парня, а затем заговорила тоном ветерана войны. – ...а потом его сожрали летающие козлы. Этих кровожадных тварей всегда тянет на все нервное и трепыхающееся...

– У вас там есть летающие козлы? – изумился наивный колдун.

– А у вас что, нет!?! – я сделала удивленное лицо, окончательно сбила несчастного с толку, а потом мы с Люськой не выдержали и заржали, едва не падая с подоконника.

– Наивная простота... – выдохнула девушка, едва отсме-

явшись и держась за живот. – Никак не могу для себя решить, что смешнее, шутки Бэйр или твоя реакция, Чижик!

– Конечно мои шутки лучше, – я улыбнулась и пихнула Люську локтем.

Начался новый предмет, мы поспешили каждый по своим аудиториям. Я просидела на лекции по составлению формул заклинаний, что-то вроде смеси физики и высшей математики, затем протерла штаны на лавке в аудитории, где преподавали ненужную магу, но саму по себе интересную биологию магических животных.

После занятий я отправилась в библиотеку. Это был огромный двухэтажный зал на первом этаже. Там сновало несколько библиотекарей, и один самый главный, к нему-то мне и нужно.

Ионора Лабава, с ударением на второй слог и никак иначе, а не то медленная и мучительная смерть. Пожилая леди, высокая, суховатая, костлявая, всегда в темном строгом платье. Побелевшие от возраста волосы она зачесывала в аккуратный низкий пучок, это был один из ее отличительных признаков. Другими отличиями были строгие очки в бордовой (цвета отравленной крови) оправе и ядовитый взгляд серых глаз, пронзающий любого, словно ледяной осколок.

Эта милая леди, от которой даже у декана коленки дрожали, была старшим библиотекарем и преподавателем по чтению аур – одному из самых сложных предметов. Меня эта тетка невзлюбила с первого взгляда, не только за мой «рас-

хлябаный» внешний вид «бездомного мужика» и соответствующие манеры, но и за то, что было написано на моей ауре. Уж кто-кто, а эта гримза знала обо мне даже то, чего я сама, возможно, о себе не знала. Скромные ритуальчики с убиением лягушек и змей, которые я проводила лет в двенадцать-тринадцать, пара сотен мертвых душ, которые я выпила, пытаясь спастись в поместье Сеймуров, моя «порочная» связь с демоном, от которой я в домике в лесу получила жирные бонусы, – она знала обо всем. От нее не скрылось даже то, что у меня с душой неполадки: она просто-напросто еще не окончательно перестроилась, остались следы переселения, хотя, на мое счастье, начисто стерлось все самые заметные следы, связанные с личностью. Иначе меня бы вышвырнули из академии за такие опыты – из-за руки-то брать не хотели, а за обмен душами и вовсе упекли бы в темницу для чокнутых магов.

Конечно, после всего этого мне невозможно было рассчитывать на благосклонность старой учительницы, которая избегала даже говорить со мной. И тем не менее, сейчас мне необходимо было договориться с ней о доступе к запретным книгам по созданию талисманов и круговоротов энергий. Среди них была одна книга, пятидесятое издание дневника Истэки Демонтина, которую обычным ученикам так запросто не давали, она считалась чем-то вроде сатанинской библии метамагии, если не хуже.

Ионора Лабава стояла возле полок художественной ли-

тературе и листала старенькую книгу в синем переплете. Я подошла бесшумно, застав ее врасплох своим вежливым кашлем.

– Здравствуйте, Ионора Лабава, – я учтиво склонила голову.

– Здравствуй, Бэйр, – произнесла она с видимой неприязнью. Только вежливость не позволяла ей брезгливо отвернуться. – Чего ты хотела? – спросила она, видя, что я не собираюсь уходить. – Если ты опять хочешь попросить меня исключить тебя, потому что тебе тут тяжело, прости, это не в моих силах. Пока ты ничего из ряда вон выходящего не натворила, а твой диплом ждут орден Белых Сов.

И хотя в прошлый раз все было совсем не так, сейчас я пропустила мимо ушей обидный намек на мое слабоумие. Тогда я, сдуру приняв эту гримзу за единственного адекватного мага во всей академии, просила ее всего лишь сказать моему опекуну, что я и без академии достаточно знаю, и чтобы Арланд отстал от меня со своим дипломом.

– Нет, я хотела бы пополнить свои знания и взять несколько научных трудов из библиотеки, – ответила я, подавив в себе раздражение.

– Что ж, сначала тебе нужно завести здесь свой читательский лист. Оформи его у Ани, потом подойди ко мне.

– Я его уже оформила, – я продемонстрировала бумажку, на оформление которой потребовалось нескольких дней. Устроить этот рейд на библиотеку я уже месяц готовлюсь,

так просто меня ей не остановить!

– Хорошо. Но ты далеко живешь и тебе придется давать в залог деньги, чтобы взять книги. Стоимость может возрасти в зависимости от того, что именно ты возьмешь.

– Запишите на счет моего опекуна, он уже расписался здесь, – я предъявила ей подпись Арланда и графскую печатку рядом: я предвидела бесконечную стервозность библиотекарши. С меня они хоть по золотому с книги могут потребовать, а достопочтимому инквизитору такие дурацкие требования предъявить побоятся.

– Хорошо, – чопорно сказала она, ставя свою книгу на полку. Ионора направилась твердым чеканящим шагом вдоль полок. Ее раздражение росло по мере того, как я выкручивалась из всех этих формальных дебрей. – Какие книги ты хочешь взять?

– У меня есть разрешение моего опекуна и Ордена на любые книги библиотеки, а так же заявление о полном психическом здоровье от академического лекаря, и подпись декана о том, что подпись лекаря настоящая... – заметив полный ярости взгляд библиотекарши, который она кинула на меня из-за плеча, я захлопнула рот и продолжила уже по существу. – В общем, мне нужен третий дневник Истэки Демонтина, написанный с 46 757 года по 46 763 года, справочник по категориям талисманов на основе белого пламени, «Описание ритуалов посвящения белых сов», алгоритмический задачник с пометками Вальдмара Озгона и... и кули-

нарную книжку Лотти Сладенькой.

– Что!?!... – прошипела библиотечка и резко развернулась на каблуках. Она нагнулась прямо к моему лицу и, растопырив в стороны локти и смотря мне в глаза, стала напирать на меня, как разъяренная птица. – Что ты хочешь!? Повтори!

– Третий дневник Истэки Демонтина, написанный с 46 757 года по 46 763 года, справочник инквизиторских талисманам, «Описание ритуалов посвящения белых сов», алгоритмический задачник с пометками Вальдмара Озгона и кулинарную книжку Лотти Сладенькой! – протараторила я, выгибаясь назад и медленно отступая, прижав к груди стопку бумажек с разрешениями, как щит против этой старой гарпии.

– Зачем тебе нужны эти книги!?

– Книжку Лотти для друга, он очень просил... – пробормотала я, упираясь спиной в стену... путь отступления был закрыт.

– Я не о рецептах Лотти! Я об остальном! Зачем тебе могли понадобиться эти книги!?

– Вы можете не верить, но это прямое требование моего опекуна и Ордена... Белые совы взяли меня на работу, но документ, подтверждающий это, будет готов только завтра... Вы дадите мне эти книги?

– Орден взял тебя на работу!?! Тебя!?! – прошипела она. Меня обдало холодным мятным дыханием... как в пасти ле-

дяного дракона побывала.

– Представляете? Я сама удивилась! – нервно улыбнулась я. Все же та тетка была страшнее иных привидений и чудовищ, которых я встречала. Тех можно было шарахнуть один раз заклинанием и все!...

– Я свяжусь с твоим опекуном сегодня же, и если ты врешь!... – Ионора выпрямилась и пронзила меня своим убийственным взглядом. – Если ты врешь, Бэйр, я сделаю так, что даже твой опекун не сможет спасти тебя от темницы, потому что окажется там вместе с тобой.

– А вот угрожать мне не надо, – как бы не была страшна Ионора в гневе, теряться перед прямыми угрозами я не собиралась. Эта тепличная маргаритка в аккуратном платье просто не имеет права говорить мне такие вещи!

– А то что же? Прочу наведешь? – она хищно прищурилась. – Подговоришь своих дружков меня на улице ночью подкараулить? – она окинула меня брезгливым взглядом. – С тебя станется.

– Нет, передам наш разговор декану, и разбираться будут уже в суде Ордена, – я выдержала ее жесткий взгляд и продолжила: – Завтра я принесу свидетельство о моей работе на Орден и заберу книги, так что прошу вас сделать так, чтобы они были готовы. Доброго дня.

Выйдя и библиотеки, я направилась к Райнару, учителю, который меня вчера провожал. Меня всю трясло от злости, но я старалась успокоиться. С ним тоже предстоял важный

разговор, и раздражению там было не место.

По пути я прошла мимо крыла академии, ведущего в студенческое общежитие. Там царил настоящий хаос, все было задымлено, люди бегали туда-сюда, кричали... видимо, кто-то из студентов опять что-то взорвал.

Поспешив пройти мимо шумного места, я направилась более короткой дорогой до кабинета Райнара.

Учитель, когда я пришла, сидел за столом и проверял работы, подперев голову кулаком, прислоненным ко лбу. Его вид напомнил мне скульптуру Мыслителя, и я улыбнулась. Хорошее настроение начало возвращаться.

– А, Бэйр, это ты... здравствуй, – улыбнулся он, заметив меня. – Проходи, присаживайся, – он кивнул на стул напротив своего стола. – Почему тебя не было на сегодняшнем занятии?

– Проспала, – ответила я, поправив на всякий случай шарф. – Простите меня.

– С кем не бывает, – пожал он плечами. – Я и сам иногда просыпаю свои собственные лекции... Вы, студенты, думаете, что это так увлекательно, повторять одно и то же из года в год, но на самом деле преподавателей больше клонит в сон от собственных речей, чем вас! – скривился.

– Вечная сонливость, наверное, ужасно утомляет... Знаете, у меня есть один отличный рецепт бодрящего чая. Я сама составила, могу поделиться, – я невинно похлопала ресницами. Всегда, когда речь заходила о моих чаях и травах,

все терялись и вежливо отказывались, но на самом деле бесплатная раздача таких ценных рецептиков могла сойти за неплохую взятку.

– Я не против обменяться опытом, – согласился Райнар, откинувшись на спинку своего кресла. – Что насчет моего предложения? Ты подумала?

– Да, я с удовольствием позанимаюсь с вами, – кивнула я. – Знаете, у меня тут возник один вопрос... думаю, никто лучше вас меня в этой каверзной теме не просветит.

– Что же это за тема? – полюбопытствовал Райнар. Мне удалось его заинтриговать, видимо.

– В общем, я хочу провести небольшой опыт, мне тут пришла идея по созданию одного талисманчика... все законно, я уже даже нашла будущих покупателей и почти разработала план создания, даже модель продумала, но вот только не знаю, где брать материалы. Они не везде продаются. Вчера мы с вами разгружали целые ящики заготовок для талисманов и амулетов, когда собирали приборы для младшекурсников, и я подумала, что вы должны знать, у кого можно все это заказать.

– Ага... понятно. Практика – это хорошо! – заметил Райнар, потирая ладони. – Ты поделишься со мной своей идеей, или мне пока не нужно знать, что именно ты хочешь сделать?

– Я не знаю, насколько информация секретна, заказчики пока не говорили держать все в тайне... но я все же промолчу.

– Ладно, понимаю. Сам иногда на Темный Рынок работаю, – признался учитель с усмешкой. Я окинула взглядом его мощную фигуру, заглянула в глубокие черные глаза, и поняла, что с него станется сказать об этом самому ректору и все равно никто не посмеет его уволить. То ли побоятся, то ли не захотят терять такие кадры. – Какие материалы тебе нужны? Части тела магических животных?

– Нет, в основном камни и порошки, – я подала ему заранее приготовленный список. Пробежавшись по нему взглядом, Райнар улыбнулся.

– Это достать не так сложно, но, да, ты права, некоторые вещи не купишь в обычных лавках. Подожди недельку и у тебя будет все из перечисленного. Стоить все это в указанных количествах будет немало, мой поставщик самый надежный, продает только лучшее, но и берет недешево. От двадцати до тридцати золотых.

– Деньги не проблема, – ответила я, облегченно вздохнув. Хоть здесь меня не будут донимать вопросами о том, зачем мне такие мощные накопители и опасные искажатели.

– Пока ты не ушла, позволь спросить, – остановил меня Райнар, когда я уже собралась прощаться и уходить.

– Да? – я удивленно посмотрела на него.

– Не хочешь начать наши занятия с сегодняшнего вечера? Я освобожусь в семь, могу зайти за тобой.

– Знаете, пока я не соберу тот талисман, заказчики не отделаются: они настырные до тошноты! – ответила я, виновато.

то улыбаясь. – Думаю, я смогу к вам ходить, когда закончу с работой.

– Как скажешь, – Райнар отвернулся и продолжил проверять работы.

По моей спине почему-то пробежали мурашки, я развернулась и выбежала из кабинета, закрыв за собой дверь.

Стоило мне выйти, как на меня накинута непонятно откуда взявшаяся Люська.

– Ух-ты, Райнар пригласил тебя на дому заниматься! – воскликнула она, вцепившись в мои плечи. Глаза девушки горели безумным любопытством, сама она задыхалась от возбуждения. – Вот это да, надо же!... Какая сплетня получится шикарная: самый сексуальный препод в академии и новенькая, настоящая дикая ведьма с Равнин! Ну-ка, давай, выкладывай, это он тебя покусал?...

– Не дури, Люськ, он големов меня хочет научить делать, а вовсе не тому, что ты подумала! – я отстранила девушку и направилась к лестнице, ведущей на первый этаж. Все дела в академии были закончены, можно было возвращаться домой.

– Ой, можно подумать, можно подумать... – фыркнула Люська. Она была из числа тех, кто с ума сходил от экстравагантного преподавателя и поэтому искренне не понимала, как можно не восхищаться Райнаром.

– Я домой сейчас, а ты куда? – я заметила в руках девушки большую сумку, набитую до отказа, и котел, перевешенный

через плечо вместе с тубусом и вещевым мешком. Это не считая перекинутых через грудь крест-накрест сумок.

– Да не знаю, на самом деле, – она поежилась в своем красивом зеленом пальто из шерсти с обитым мехом капюшоном и поправила красный шарф взамен того зеленого, что одолжила мне. – Видела тот взрыв в общежитии?... так вот это моя работа. Я пыталась сварить зелье по твоему рецепту, и вот! Меня выселили! Из-за тебя и твоего корявого почерка!

– Сочувствую, – я взяла у подруги сумку, чтобы ей было не так тяжело все нести. – Не знаешь пока, куда пойти?

– Да вот думаю, что будет справедливо, если я к тебе перееду... – она замялась, так как определенная крупица совести еще оставалась в ее рыжей прожженной наглостью душонке. – Твоя вина тоже есть в произошедшем, так что это честно. Но я не знаю, где ты живешь, и есть ли у тебя место, собственно. Вот.

– Хм, – я задумалась.

С Люськой мы дружили уже достаточно долго, она была первой, кто перестал меня чураться и общалась она со мной не только для того, чтобы я помогала ей с уроками. Конечно, я с радостью бы поселила ее в нашем доме, ведь она была моей первой настоящей подругой, если не считать строптивую красавицу Рафнейрис... Но вот только как отнесутся к моему решению мои сожители? С другой стороны, если они будут против, пусть она переночует у нас только эту ночь, а

потом я найду ей место.

– Что мне твое «хм»? Ты говорить будешь или только в одну точку пялиться? – Люська дернула меня за рукав рубашки. – Что ты решила?

Мы уже вышли на улицу, я поспешно накинула свой плащ на плечи и направилась в сторону сада, где меня должен был ждать Черт.

– Я не одна живу, со мной мой опекун и его брат, два молодых парня. Если тебя это не смущает, я поселю тебя в гостиной, у нас там большой диван есть, ты на нем будешь спать.

– А твой опекун и его брат... они симпатичные? – хитро прищурилась Люська, покосившись на меня. Она шла в прыжку от счастья. Мой ответ ей, видимо, очень понравился.

– Опекун... ну, сложно сказать, – я пожала плечами и скривилась. – Смотря на чей вкус. Как по мне, так больно страшненький, да и характер у него паршивый, если честно. Не в себе он немного, даже к врачам одно время ходил, – призналась я. – А вот его брат настоящий красавец: полукровка, и очень милый, к тому же.

– Понятно... И что, свободен этот полукровка?

– Он влюблен в одну музыкантшу, но кто знает... Лео никогда не отличался постоянностью, – я улыбнулась. На него она все равно западет рано или поздно, а вот Арланду надо на всякий случай создать мрачный отрицательный образ.

– А зачем мы идем в сад, Бэйр?

– Тут где-то должна быть моя лошадь, – остановившись

посреди сада, я сложила ладони рупором и позвала Черта. – Да куда же унесло эту скотину!?

– Ты что, не привязала ее? – удивилась Люська.

– Да нет, он умный, без привязи ходит. Я его надрессировала, сарай ему так обустроила, что он сам за собой убирает, воды наливает и кормится тоже сам. Чудо, а не конь.

– Хорош заливать... – отмахнулась Люлька, вертя головой по сторонам.

– Правду говорю! – я игриво пихнула ее в плечо.

Я позвала коня еще несколько раз и вскоре раздалось счастливое ржание. Преодолевая все кусты и заборчики, вздымая, как смерч, снег с глубоких сугробов, ко мне мчалась здоровая рыжая конина.

– Чертик! – я распахнул объятия и пошла навстречу лошади. Подбежав ко мне, конь возмущенно заржал и стукнул меня носом в лоб. – Ну прости, что долго, что я могла поделаться? Попона у тебя вроде теплая, не должен был замерзнуть!

Конь скептически фыркнул, качнув головой так, чтобы челка убралась с глаз. Во время этого движения он заметил Люську и замер.

– Да, такая же рыжая, как и ты, – я улыбнулась. – Представляешь?

Черт несколько минут пристально разглядывал девушку, а потом с умным видом подошел к ней и лизнул в лицо, затем заржал, показав свои желтые зубки и отбежал назад, игриво переступая с копыта на копыто.

– Ух-ты!

– Что это было!?! – воскликнула Люська, утирая лицо рукавом.

– Кажется, ты ему понравилась... надо же! Он обычно всех ненавидит и кусается, а к тебе с таким радушием! Наверное, родство в тебе почуял, – я кивнула на ее огненные волосы.

– Привет-привет всем! – обернувшись на голос, мы увидели Чижа, спешащего к нам. Пробираясь через сугробы и едва не падая в снег, парень все время поправлял спадающую на нос шапку одной рукой, а другой придерживал огромный шарф. – А это что за чудо природы? – он удивленно указал на Черта.

– Это мой конь. Его зовут Черт. И он понимает все, что ты говоришь, так что будь вежливым, – посоветовала я, нацепляя на Черта узду.

– Ага, как же... это одна из твоих шуточек, да? – ухмыльнувшись, парень потянулся, чтобы потрепать Черта за ухом, но в итоге чуть не остался без пальца. – Ах, ты... зараза! – он прижал к себе руку, на которую в буквальном смысле покусился конь.

Жеребец, услышав обзывательство, недовольно фыркнул и взглядом пообещал парню, что тот еще ответит за свои слова.

– Вы куда сейчас? Погулять не хотите? – спросил Чиж. Мы уже шли к воротам, ведущим в город.

– Нет, мы сегодня заняты. Я переезжаю к Бэйр на время... у нее там два симпатичных неженатых парня и свободная комната, – похвасталась Люська.

– Вот как? – нахмурился маг. – И что это за парни?

– Мой опекун и его брат, – объяснила я, невольно усмехаясь неукротимой вере этого колдунишки в том, что мы с ним будем непременно счастливы.

– Про твоего опекуна я каждый день слышу, а вот про его брата впервые. Кто он? – с серьезным видом спросил Чиж.

– Актер, кондитер, портной... кто угодно. У него полно талантов.

– А еще он очень красивый! – подхватила Люська.

– Ладно, – вздохнув и выдохнув, Чиж привел свои мысли в порядок и заговорил с присущей ему спокойной улыбкой. – Сегодня мы собираемся в «Черной Вдове». Если хотите, присоединяйтесь. Будут все.

Он собрался было уходить, но в последний момент я его остановила.

– В «Черную вдову» ты сказал? По-моему, прекрасная идея, Люськ, что скажешь?

– Я сейчас не шибко богатая, в последнее время зелья никто не берет... – замялась она.

– Брось, кинем вещи у меня и пойдем, я тебя угощу! Заодно пару склянок загоню, а то пылятся в сумке уже неделю...

– Тогда я с вами до дома пойду! – вызвался Чиж и двинулся за нами.

Я свалила все Люськины сумки на спину Черта, и мы зашагали быстрее. В моем доме мы были примерно через полчаса, уставшие и порядком замерзшие.

– Ну ничерта себе у тебя тут хоромы! – воскликнула девушка, оказавшись внутри. – Дом и снаружи казался огромным, а изнутри так вообще замок!... После моей комнатухи я себя чувствую здесь, как в усадьбе папочки.

– Оставь вещи в коридоре, потом разберем! Сейчас дома никого нет, так что и внутрь заходить не надо, пойдем! – схватив ее за широкий рукав зеленого пальто, я потянула ее вон из дома.

«Черная вдова» – прекрасный трактир в глухом переулке в центре города. Это было неофициальное место сборищ всех магов Трехполя, туда приходили и студенты, и работающие колдуны и иногда даже преподаватели из академии – пару раз я видела там Райнара. Так же туда заходили люди, которые нуждались в магических услугах. Услуги эти были разнообразны, но в целом превращали «Черную вдову» в царство нелегальной торговли магией.

С некоторыми особо умелыми магами хозяин «Вдовы» заключал контракт, и имена этих магов вносились в специальные списки для посетителей – листочек в конце меню, где любой пришедший мог выбрать себе колдуна, способного изготовить нужное зелье. К студентам обычно обращались не ради качества, а из-за небольшой цены, к опытным же магам, бравшим в три раза больше, обычно шли за чем-то со-

всем уж незаконным. Мне повезло, и неделю назад я попала в этот список, причем встала среди тех магов, у которых втридорога покупали незаконное. Чиж тоже уже был в этом списке, а Люська пока перебивалась случайными клиентами.

В трактир мы зашли, уже изрядно продрогнув: погода нынче была ветреная, но теплое помещение приняло нас с неизменным радушием. Темный просторный зал, освещенный зелеными магическими огоньками, парящими в воздухе, был хорошо протоплен магией и благоухал чем-то мясным с кухни. Конечно, то была не божественная стряпня Леопольда, но голодным студентам и то было за манну небесную.

– Бэйр, вот и вы! – приветственно воскликнул парень, сидящий за длинным столом в углу зала. Еще одной прелестью этого заведения были места для посетителей – не простые деревянные стулья, а мягкие черные кресла с высокими спинками.

Повесив на одно из таких плащ, я уселась напротив знакомого.

– Здравствуй, Кред! – улыбнулась я ему, хватая меню одной рукой, другой вытаскивая из сумки трубку. – Чего нового?

– Да так, тебя тут искали очередные покупатели. Внушительные такие, уж наверняка платежеспособные, – завистливо прищурился парень с короткими темными волосами и умными серыми глазами. Креда вышвырнули и академии год

назад и с тех пор он прятался от инквизиторов по подвалам всяких сомнительных зданий: он был урожденным темным магом, и, ходят слухи, как-то чуть не сделал себя вампиром по глупости. Арланду было бы, о чем с ним поговорить.

– О, надо будет посмотреть заказ, который они оставили! – закивала я, набивая трубку.

– Мне ничего не было? – спросил Чиж, усаживаясь в кресло возле меня. Люська уселась рядом с Кредом.

– Не знаю, про тебя у меня не спрашивали, – качнул головой парень. – Слышали новость, кстати? Поговаривают, местная инквизиция подозревают эпидемию вселений.

– Дошло до них наконец, что раз уже лет пять в людей вселяются, то что-то не то! – фыркнула Люська. – Небось Бэркин опекун их всех там построил, он, вроде, толковый.

– Что он тебе говорит по этому поводу? – спросил Кред, вперив в меня острый взгляд.

– Говорит, чтобы я прилежно училась и не гуляла с темными магами, – хмыкаю. – Конечно он мне ничего не рассказывает, о чем ты вообще!?

К нам подошла служанка в обтягивающей талию короткой темной мантии без рукавов и спросила, что мы будем есть.

Выпивать мне особо не хотелось, потому я взяла себе мясного супа, горячего отвара из смеси трав и кусочки вяленого в приправах мяса на закуску. Люська взяла того же, а Чиж, любящий иной раз пошиковать, заказал вина и какое-то ву-смерть дорогое блюдо по рецепту леннайев.

– Так значит, ты не можешь ничего сказать насчет эпидемии? – еще раз уточнил Кред. – Дело важное, если инквизиторы что заподозрят и на магов подумают, чую, много всякой грязи в городских щелях нароют.

– Боишься, что тебя найдут? – Люська обеспокоенно тронула его за колено.

– Меня-то они при всем своем желании не найдут, – он с усмешкой вздернул вверх острый подбородок. – Как бы за остальных не взялись.

– А что, среди наших уже какие-то волнения? – спросила я, заметив нашу служанку с подносом. Она расставила на столе блюда, а мне протянула листочек с заказом. Я поблагодарила ее и сразу оплатила наш с Люськой обед, накинув чаевых.

– Да, есть что-то такое, – неуверенно кивнул Кред. – И, знаешь, все чаще я слышу твое имя.

– Мое имя!? – я удивленно уставилась на него, оторвавшись от супа. – То есть?

– Не знаю, но была бы ты поосторожнее, кажется, тебя тоже ищут. Может даже подозревают.

– Кто подозревает? Инквизиторы!? Что за чушь!? – фыр-каю, отмахиваясь от него трубкой. – У Ордена не может быть ко мне никаких претензий, мой опекун им уже все объяснил! Разве что какие-то заблудшие в глуши придурки еще не слышали о том, что Бэйр, ведьма с Великих равнин, уже не в розыске.

– Не знаю, что там, но я слышал о тебе и посчитал нужным предупредить, – Креду не понравилось, как я отреагировала на его слова, и он нахмурился. – Что у тебя там в заказе? – он заметил, что я уставилась в свой листок, и решил сменить тему.

– Да чудно как-то... – я пожала плечами, не отрываясь от листка. – Подавай им настойку из листьев черноплода и адова корня, да зелье «Легкого желания» из мучных червей... платят по указанной цене, и обещают добавить за доставку на дом, адрес указан... пишут, что больны и много ходить им вредно.

– Это бывает, – кивнул Кред, оживившись. – Берешься? Если что, я перехвачу, а то у меня уже неделю ничего не берут...

– Берусь, конечно, у меня как раз лошадь есть, думаю, сегодня же им и завезу, – кивнула я, пихая листок в карман.

– Давай я тебе помогу, заодно научишь меня «легкому желанию»! – вызвалась Люська. – А то это зелье дорогое, варить его, вроде, просто, а у меня оно что-то не идет...

– Да, конечно, – рассеянно кивнув, я быстро дохлебала суп и начала раскладывать на столе склянки с ингредиентами: благодаря заклинанию уменьшения, которому меня научил Истэка, я смогла хранить в своей сумке все, что нужно, в том числе и котел. В трактире зельеварение, к счастью, было не запрещено, скорее даже поощрялось, если оно привлекало новых посетителей.

Дальше все потекло размеренно. Постепенно за наш стол уселись другие знакомые маги и потекли разговоры: у кого какие заказы, кто сколько продал на неделе, кого за что схватила стража, а также обмен сплетнями и прочим. Я слушала в пол-уха, увлекшись варением зелья, Люська же, которая поначалу действительно хотела узнать, как надо правильно делать «легкое желание», быстро отвлеклась и полностью ушла в болтовню.

– Знаешь, никак не могу понять, как ты это делаешь! – спросил Чиж, наклонившись над самым моим ухом. Он, отделившись ненадолго от остальных, решил обратиться ко мне, дабы я не скучала.

– Что именно? – спросила я, закручивая потоки энергии над парящем в воздухе котлом – для лучшей консистенции я размешивала варево небольшим смерчем из перемежающихся между собой потоков магической и немагической энергий.

–левой рукой! Я не раз видел, как ты делаешь это, – он тронул бирюзовую струйку смерча, но тут же отдернул палец: магов эта струя обжигала. – Как? Это как-то связано с тем, что ты прячешь под перчаткой?

– Можно и так сказать, – ответила я, не отрываясь от котла. – Как я этого добилась, даже не спрашивай, это слишком опасно и, на самом деле, того не стоит.

– Знаешь, если бы маги умели владеть силой, убивающей магию... Ты хоть представляешь, какой это прорыв в боевой

сфере!?! Это же как совершенный щит от магии, да еще и идеальное оружие борьбы с магами!...

– Знаю, так что... Чиж, лучше не лезь лишний раз под руку, у меня сейчас ответственный момент! – я пихнула его плечом.

– Это тебе в Ордене сделали, да? Мне давно кажется, что ты – какое-то их оружие, эксперимент, поэтому к тебе приставили опекуна, – продолжил он. – Скажи, это правда?

– Кого ты опять наслушался? – я невольно улыбнулась такому нелепому слуху. Надо же, про меня уже и такое болтают! Совсем у них, что ли, совести нет?

– Так это правда? – настаивал Чиж.

– Конечно нет, это последствия случайного опыта, который даже не я проводила... но, эй, хватит меня допрашивать! Тебе-то какое дело?

– Просто если бы это была работа инквизиторов, а ты – их жертвой, мы могли бы, наконец, доказать людям и остальным, что белые совы переходят все границы, что...

– Прекрати нести всякую чушь! – прикрикнула я на него. Это не осталось без внимания, и на нас уставились все присутствующие за столом маги. – Инквизиторы получше иных магов будут, несмотря на то, что о них говорят.

– Ты что же это, защищаешь белых сов? – удивленно выгнул бровь Кред. – Они убили моих родителей и меня хотели «устранить» только потому, что я родился со склонностью к темной магии! По-твоему, это нормально? Эти белые

притесняют магов, таких как ты и я! Клевора-громовержца больше нет, но их двинутый патриарх ничуть не лучше!...

О том, что инквизиторы, как оказалось, охотятся не только за демонами, но и за темными магами, я узнала только в Трехполье. Оказывается, многих темных насильно увозят в резервации, где тщательно следят за тем, чтобы они не нарушали равновесие мироздания: считается, чистая черная магия не может создать ничего хорошего, только уничтожать. Когда я об этом узнала от темных из академии, была вне себя от злости: как Арланд мог не рассказать мне о таких зверствах? Однако, инквизитор сказал, что в резервациях запирают только тех, кто опасен. Таких же темных магов, которые не пользуются исконной силой, то есть плетут заклинания на чистой энергии, не трогают. Однако, где та грань, когда человека можно оставить на свободе, а когда его нужно запереть, как бешеное животное? Я долго не могла смириться с тем, что Арланд даже косвенно причастен к подобному, но потом все вдруг встало на места.

Я помнила Кудеяра и его рассказа о скахтьярнах, чьи силы отличаются от тех, что собираются в людей в асимметрии, и в чистом виде смертельно опасны. Он приложил немало труда, чтобы его магия оставалась чистой, и на его фоне после знакомства с несколькими темными, – таких, как Кред, – я поняла, что некоторых магов действительно лучше держать подальше от общества. Я никого не осуждала: его жизнь, его дело, я тоже не самая хорошая девочка. Однако, свое мне-

ние насчет несчастных темных и безжалостной инквизиции у меня все же было.

– Хочешь сказать, что не будь инквизиторов, ты бы встал на путь истинный и не торговал бы своими ядами? – я отвлеклась от котла и подняла взгляд на Креду. – Ты ничего другого не можешь, даже не пытаешься научиться колдовать чистой магией, так в чем ты вообще можешь их обвинять?

Над столом повисла тишина.

– Бэйр, мы все знаем, что у тебя есть опекун, которого ты уважаешь, но... но то, что ты говоришь, это неразумно! – вмешалась Люська. – Это, конечно, ясно, что совы следят за порядком, но их действия далеки от справедливости! А к магам у них и вовсе какое-то нездоровое отношение, все из-за тех порошков, которыми их пичкают в Ордене...

– Это все глупые слухи, – возразила я. – Они не трогают нормальных магов, а темных отвозят в специальные поселения, где те живут полноценной жизнью, никому не причиняя вреда.

– Полноценной жизнью!?! – еще громче вскричал Кред. – А ты знаешь, что в этих поселениях за темными следят, как за скотом, что там шагу нельзя ступить без дозволения стражи, что темным запрещено иметь семью и даже быть с женщинами!?! Они пытаются сделать из нас послушных монахов, держат на воде и хлебе, чтобы мы были достаточно слабы и с нами было легко справиться, в случае если мы задумаем бежать!

– Эй, я знаю темного мага, который живет, спокойно колдует и инквизиция его не трогает! Он больше работает с чистой энергией, а не с родными темными силами, и варит зелья так же, как и я... Это он меня всему научил. Если бы все темные вместо того, чтобы плакаться на инквизицию, взяли себя в руки и научились бы жить, никому не причиняя вреда, все бы у них было замечательно.

Заметив, что зелье выкипает, я бросилась к котлу и принялась помешивать варево зачарованной деревянной ложкой.

– Не ожидал от тебя таких слов, – недобро нахмурился Кред.

– Я с радостью изменю свое мнение, если ты докажешь, что инквизиции в самом деле не стоит за вами охотиться! – ответила я без всякой враждебности. – Я против тебя ничего не имею, но, согласишься, то, чем ты занимаешься, не очень-то хорошо. Одно дело продавать старушкам сильные зелья, задерживающие старение, – я кивнула на свой котелок, – и совсем другое – яды падшим.

Кред ничего мне не ответил, посверлил меня немного злобным взглядом, а потом Люська заговорила про очередную любовную сплетню, и все отвлеклись от нашего не слишком-то приятного разговора.

Вскоре я закончила зелья и, попрощавшись со всеми, отправилась к покупателю на дом. Люська, боявшаяся возвращаться домой без меня, – ведь о ней ни Леопольд, ни Арланд еще не знали, – отправилась туда вместе со мной.

– Знаешь, зря ты так с ним, – тихо заметила она, когда мы оказались на улице. – Инквизиция – его больная тема, да и остальные тоже сов не любят. Ты у нас, конечно, особенная, но за такие разговоры можно и из «Вдовы» вылететь, а потом наткнуться на знакомых в темном переулке... В общем, будь поосторожнее с этими своими мыслями.

– Я не сказала им ничего нового, – возразила я. – Темные постоянно валят все на сов, а сами даже не пытаются исправиться! Конечно, тяжело отказаться от родных сил, но это необходимо сделать, если они вредят людям.

– Я не стану с тобой спорить, но я тебя предупредила, – буркнула Люська.

Дом моего заказчика, именовавшего себя в письме загадочным «Мы», находился на окраине города. Пока мы туда добрались, уже совсем стемнело, и потому, когда перед нами предстало возвышающееся посреди пустынного парка черное здание, мы обе малость испугались.

– Думаешь, там есть привидения? – серьезно спросила Люська, кутаясь в свое пальтишко и закрывая шерстяным платком рыжие волосы. – Энергетика идет...

– Ты просто замерзла, какая тут энергетика? – я весело усмехнулась, потрепав подругу по плечу, и мы вместе вошли через калитку, направились к дверям странного мрачного дома.

Постучав в дверь специальной медной стучалкой в виде кольца-змеи, я стала ждать, пока откроют. Никто так и не

отозвался, потому я постучала еще раз и вошла: стоять и ждать дальше мне не хотелось, так как я уже порядком замерзла.

– Ты иди, а я тут постою. Мне нормально пока, – решила Люська, испуганно заглянув за дверь.

Внутри было тепло и сухо, хотя и темно до ужаса. Я тут же зажгла светляк и двинулась по коридору, ища что-нибудь вроде гостиной, где могут оказаться хозяева или хотя бы слуги.

– Эй, есть кто дома? – крикнула я, когда стало ясно, что совершенно невозможно понять, где в этом доме хоть одна комната. Пока казалось, что он состоял из сплошных коридоров!

На мой крик никто не отозвался и я, пожав плечами, пошла дальше, надеясь найти кого-то, кому смогу всучить зелья и требовать деньги.

Когда я дошла до лестницы на второй этаж, решила подняться и посмотреть там. Видимо, удача решила повернуться ко мне другой своей стороной, потому что как только я оказалась на втором этаже, уперлась в дверь, из-за которой шли голоса.

– ...Если это действительно она, то почему не прячется, почему вот так расхаживает перед нами, как будто не представляет угрозы!? – говорил какой-то мужчина.

– Надо просто выяснить все, пока остальные до нее не добрались. Если мы узнаем, как... мы создадим собственный

Орден и даже белые совы не посмеют нам мешать!

Разговор был явно не из тех, которые стоило подслушивать, если не хочешь проблем. Понимая, что, если услышу имя той неизвестной, которую они хотят поймать, спокойнее спать не стану, я постучала и тем самым прервала беседу.

– Доставка зелий! – громко сказала я, постучав еще. – Можно?

– Да... зайдите! – раздался растерянный женский голос.

– Одно из черноплода и «легкое желание», – я поставила склянки на столик между креслами, на которых сидели говорящие. Их было пятеро, все они были магами и ни одного из них я никогда не видела.

Зачем магам понадобились мои услуги – об этом лучше подумать после того, как они заплатят.

– С вас двадцать золотых, – объявила я, уперев кулаки в бедра. – Уже поздно, мне пора домой... так что, пожалуйста, побыстрее, – они сидели, не трогаясь с места, и все смотрели на меня. – Ну?

– Конечно-конечно, – спохватился один из магов, мужчина, и встал. Он достал кошель из одного из комодов и, переглянувшись с остальными, начал отсчитывать золотые. Его руки были в защитных перчатках.

Заподозрив неладное, я приняла деньги, но не правой, а левой рукой. Как только монеты коснулись кожи, рука вспыхнула бирюзовым пламенем. Видимо, на деньгах было проклятие или что-то вроде того: теперь уже этого не узнать,

поглощенное рукой, оно стало абсолютно чистой энергией.

– Это что такое? – нахмурившись, я подняла глаза с руки на магов и внимательно их осмотрела, запоминая лица. – Вы что, собирались подсунуть мне проклятые деньги!?

Они не отвечали, так как, видимо, ожидали совсем другого результата. Вжавшись в кресла, четверо из них недвижно сидели, пятый же, который вручил мне плату, изменился в лице, соображая, что же теперь делать.

– Еще пять золотых, и я уйду без скандала, – сказала я, решив, что меньше всего хочу разбираться с этой шайкой. Просто расскажу о них Арланду, и дело с концом.

Тот маг, который стоял, молча вытряхнул из кошелька пять золотых и подал мне. Я забрала у него весь мешок, очистила его от проклятия, потом вернула. Пока впитывала некую темную силу, расплетала плетение проклятия, я попыталась понять, что же это такое было. Точно определить это мне не удалось, но, похоже, это было что-то мощное, плохо влияющее на здоровье. Темная магия.

Обязательно нужно будет сказать о них Арланду.

Забрав двадцать пять золотых и оставив им зелья, я вышла из дома, пытаясь унять сияющую бирюзовым руку. К счастью, мне удалось сделать это до того, как меня увидела Люська.

– Ну что там? Чего так долго? – обеспокоенно спросила она, дыша на перчатки. Бедолага, видимо, сильно замерзла, пока ждала меня. Дома надо будет попросить Лео пригото-

вить его фирменный согревающий напиток из вина.

– Какие-то чокнутые темные, собирались строить какой-то свой орден, всучили мне проклятые деньги... Пойдем отсюда, – махнув рукой, я поманила Люську за собой.

– Ой, как бы чего не вышло! – содрогнулась девушка, поспешно догоняя меня. – Страшно все это!

– Ничего страшного, просто, обкурившиеся расслабляй-травы обиженки.

Еще один жилец

До дома мы добрались бегом, так как иначе бы просто заледенели бы где-нибудь по дороге.

Судя по запаху в прихожей, Лео уже вернулся и приготовил что-то.

– Надо бы чая выпить, а то простынем еще... Лео, ты дома? – разувшись, я прошла в глубь дома, на кухню.

На кухне никого не оказалось и тогда я поднялась наверх и зашла в комнату оборотня. Он лежал на своей кушетке и читал что-то.

– Привет, а ты почему не в театре? – спросила я.

– Привет! Сегодня решил уйти пораньше, не хотел долго там сидеть, – ответил он. Видимо, оборотень был не в духе.

– У нас гости, кстати. Моя подруга, про которую я тебе рассказывала, Люська. Ее выгнали из общежития, и она к нам попросилась. Пусть поживет пару дней, пока мы ей место не найдем?

– Ух-ты, у нас гости!

Загоревшись идеей накормить кого-то нового, чьих восторгов еще не слышал, оборотень вскочил с кровати. Настроение у него определенно приподнялось.

Глянув в зеркало и поправив косу, Лео пошел соблазнять свою очередную жертву. Мне уже заранее было страшно за него: Люська до мужиков была такой же охотницей, как Дейк

до женщин.

– Люськ, это Леопольд, – я представила девушке, ждущей нас на диване в гостиной в особенно изящной позе.

Девушка медленно встала и подошла к Лео с таким видом, как будто он был привидением и мог в любой момент исчезнуть.

Молча посмотрев на него некоторое время, Люська вдруг протянула руку и потрогал его за грудь, за лицо.

– Живой... надо же, я думала, такие только на картинках бывают! – воскликнула она радостно и ее лицо озарила улыбка. Видно было, что Люська едва сдерживает визг восторга.

– Я совсем живой, можешь быть уверена, – улыбнулся Лео. – Вы чаю, наверное, хотите и проголодались? Я приготовил суп на кокосовом молоке с морепродуктами и специями, сейчас разогрею.

Мы прошли на кухню, где за едой завязалась беседа. Люська сверлила глазами Лео, а тот делал вид, что не обращает внимания, я же молча сочувствовала им обоим. Через пару часов к нам присоединился Арланд, вернувшийся с работы. Его появление вызвало у Люськи не меньший восторг.

Стоило ему войти на кухню, как девушка замолчала на полуслове и уставилась на него, величественно стоящего у входа в своей заснеженной белой накидке с перьями, с медальонами на груди и с таким спокойным и загадочным выражением лица...

– Это и есть твой опекун? – спросила Люська, во все глаза

разглядывая инквизитора.

Арланд выгнул бровь, и девушка тут же вскочила с места, поправила свою зеленую тунику, надетую поверх широких клетчатых шерстяных штанов, и вежливо поздоровалась.

– Здравствуйте, господин инквизитор! – сказала она, не переставая пялиться на Арланда.

– Что происходит? – обретя, наконец, дар речи, «опекун» посмотрел на меня и нахмурился.

– Это моя подруга, Линда! – я встала со своего места и представила нашу соседку по неволе. – И она поживет у нас пару дней или больше. Ее выгнали из общежития.

– Бэйр... – Арланд смирил меня недовольным взглядом, потом покосился на девушку и жестом приказал мне выйти за ним в другую комнату, чтобы нас никто не слышал.

– Ты что, совсем сдурела? – зашипел он, взмахнув руками. – Ты зачем ее сюда притащила!?

– Эй, она всего лишь милая девушка и моя сокурсница, никаких проблем от нее не будет!

– Мне одной ведьмы в моем доме достаточно! – заявил Арланд, включая режим упрямого осла и эгоистичного зануды. – Я не хочу, чтобы здесь шлялись посторонние... Ты вообще когда-нибудь думать начнешь!? Пока она здесь, я даже спать нормально не смогу, мне придется быть вдвое осторожнее! Я не смогу даже слова сказать, даже поговорить с вами, потому что она может услышать что-нибудь не то и ляпнуть об этом где-нибудь! И это не говоря уже о том, что

мы с тобой теперь даже в нашем доме не сможем побыть наедине!

– Я уже решила, что она проживет здесь совсем немного, сейчас, в десять вечера, я уже не могу ее выгнать! – возмущилась я. – А ты прекрати думать только о себе и попытайся проникнуться ситуацией: она совсем одна в чужом городе! Не на улице же ей жить! – я старалась не кричать, чтобы Люська меня не услышала, но у меня это плохо получалось. Уж слишком раздражало поведение Арланда.

– Но почему из-за того, что ее выселили, мы должны страдать!? Пусть сама решает свои проблемы! – огрызнулся он.

– Да никто не будет страдать! Просто попытайся быть проще, ты уже не на работе, так побудь нормальным человеком! Пойдем на кухню, выпьешь чаю, поешь, разговоримся... Ты хуже Леопольда, видят мертвые боги! Даже он с людьми лучше ладит.

– Нет, я не пойду на кухню. Я сейчас без ужина пойду спать и запру дверь, чтобы эта рыжая не вздумала ко мне ломиться! – заявил он, как будто назло мне все это собрался делать. После он развернулся, чтобы идти, но сделал это медленно, давая мне время себя остановить.

– Арланд... – прошипела я, схватив его за руку, пока не ушел. – Или ты идешь на кухню и мило улыбаешься ей весь вечер, или я сделаю так, что ты сам окажешься на улице, понятно!?

– Бэйр, не смей говорить с мной таким тоном!...

– Понятно, я спросила!?! – я со всей силы сжала его руку.

– Понятно... но с тебя причитается.

Поморщившись, Арланд с видом оскорбленного кота развернулся и пошел на кухню, там уселся в самый дальний угол и, назло мне, просидел там весь вечер, не проронив ни слова и с такой рожей, что любой разговор глох в тяжелом воздухе, разлившимся вокруг.

– Да, ты права, опекун у тебя какой-то тронутый, – тихо сказала мне Люська, когда я сидела перед сном в гостиной с ней наедине. – И как ты с ним уживаешься только?

– Сама не знаю... тот еще кадр, – вздохнула я. – Ведет себя как ребенок!

– Ну... зато его брат очень даже ничего, – игриво заметила Люська. – Он просто идеальный, как по мне! Добрый, милый, воспитанный, начитанный, сильный, талантливый, красивый... – она принялась загибать пальцы, а потом схватила подушку и, обняв ее, мечтательно вздохнула: – Хочу за него замуж!... И как ты живешь с таким совершенством!?

– Едва держусь, – тихо засмеялась я. – Ну ладно, я пошла. Спокойной ночи!... Кстати, не заходи, пожалуйста, к нам в комнаты и в ванную, не постучавшись. Арланд будет в бешенстве, если ты случайно заглянешь к нему без стука.

– Шутишь? Что мне вообще от него может понадобится!?!... Я к нему и без всяких предупреждений ни за что не сунусь!

– Хорошо. Утром, как проснешься, иди на кухню и ешь,

что хочешь, я сама потом спущусь, ладно? Даже если я буду опаздывать, не буди меня, иди в академию одна.

– Ладно-ладно, на второй этаж не хожу... – посмотрев на меня с подозрением, Люська улеглась на подушку. – Спокойной ночи, Бэрка.

– Спокойной ночи.

Я поднялась на второй этаж и постучалась к Арланду.

– Открой, чертов параноик, это я, – тихо сказала я, обнаружив, что дверь заперта.

– Кто «я»? – раздалось изнутри.

– Смерть твоя! Открывай, хватит маяться дурью.

Инквизитор пустил меня к себе в комнату. Он уже был готов ко сну и, судя по смятому одеялу, даже лег в кровать.

– Ты уже спал? Прости не хотела тебя будить, – извинившись, я прошла к кровати и села на нее.

– Сегодня опять вместе спим? – он удивленно выгнул бровь. – А как же твоя эта подруга? – по тону я поняла, что он все еще обижается на то, что с ним никто не посоветовался, но уже почти отошел и готов прощать.

– Я предупредила ее, чтоб она не заходила. Если что, поставлю звуковую защиту, – я улыбнулась и села возле Арланда, обняв его за плечи. – Все еще самодурствуешь?

– Ладно, так и быть, – нехотя произнес инквизитор, как будто делая одолжение. – Я разрешаю тебе спать рядом со мной после всего того, что ты устроила. Можешь даже меня поцеловать...

– И все же ты среагировал, как козел, – я выжидающе посмотрела на Арланда. – Извинишься перед ней завтра?

– Нет. Но ты скажи ей, что я наглотался инквизиторских травок, потому вел себя так... – кивнул инквизитор и ложась под одеяло и задергивая балдахин. Я подвесила под потолком светляк, чтобы мы были не в полной темноте, и легла рядом с Арландом. – Скажи, как там с талисманом? Тебе выдали книги?

– Нет... представляешь, эта зараза потребовала у меня документ о том, что я работаю на Орден! – пожаловалась я. – Материалы для опытов я уже заказала, привезут через неделю. Орден оплатит, надеюсь?

– Сколько там?

– До тридцати золотых... – виновато призналась я.

– Не так много, – прикинул Арланд. – Но если Орден будет тебя спонсировать, то тебе придется работать в его главном здании и носить форму, имей это ввиду.

– Не особо горю желанием, если честно...

– Ладно, я заплачу. До того, как Орден выдаст мне плату за месяц, нам и двадцати золотых вполне хватит.

– Я верну тебе, когда смогу работать, – пообещала я, чувствуя себя полной транжирой. Приходилось чуть ли не каждую неделю просить у Арланда денег на крупные траты, и, хотя лично для себя я ничего не покупала, все равно было неудобно.

– Не говори глупостей, не надо ничего возвращать. Мы же

почти семья, у нас все общее, – успокоил меня инквизитор, обняв за плечи. Чем дольше мы лежали вместе, тем мягче и добрее он становился. – Тем более, мне приятно знать, что наконец-то я хоть что-то могу для тебя сделать. Обеспечить тебе учебу и наладить твои отношения с Орденом, чтобы он взял тебя под свою защиту, – моя прямая обязанность. Случись что со мной, ты должна быть в безопасности. С дипломом и под защитой белых сов так оно и будет.

– Заткнись! Заикнись мне еще про это... ничего с тобой не случится, – я слабо ударила Арланда в грудь, а потом прижалась к нему, уткнувшись лицом шею.

– Я тоже надеюсь на то, что со мной ничего не случится. Теперь, когда в жизни появилось столько всего, попадать к монахам из Черных Куполов совсем не хочется, – ответил инквизитор, зарываясь носом в мои волосы. – Отыскать бы какого-нибудь дракона и отправиться в твой мир, где мы сможем зажить спокойно и нам не о чем будет волноваться... – прошептал он. – Может, когда я точно буду знать, что никто не сдаст меня монахам из Церкви, мне будет легче общаться с людьми.

– Мне остается надеется только на это... ты ведь совершенно невыносим со своей фобией!

– И все же ты пока рядом со мной и моей фобией, – довольно зевнул Арланд.

– Не обольщайся, – буркнула я.

– Того и гляди, замуж за меня пойдешь...

– Очень смешно!

Помирившись, мы быстро засыпали, прижимаясь друг к другу, и я чуть не забыла важное.

– Слушай, тут такое дело... На юго-западной окраине города есть заброшенный особняк, в этом особняке живут темные маги с нездоровыми наклонностями.

– Намек понят. Завтра же разберусь с этим, – ответил Арланд.

Утром нас разбудил Леопольд. Они с Люськой уже завтракали, когда мы спустились вниз. Чтобы девушка ничего не заподозрила, сначала на кухню пошел Арланд, а я только через пять минут.

После завтрака инквизитор вручил мне необходимые бумаги с подписями, и я вместе с Люськой отправилась в академию. Я зашла в библиотеку до начала занятий и забрала все запрошенные книги. Все лекции я без зазрения совести сидела с полученными книгами и разбирала необходимые мне темы, вынося все заметки в бесконечную тетрадь Маггорта. Пару раз преподаватели меня заметили и попытались отобрать тетрадку, но мне удалось убедить их не делать этого. Чтобы меня дальше не донимали с моими внеучебными исследованиями, я ушла из академии пораньше.

Дома я немедля спустилась в кабинет. Когда я пришла, там уже сидел полусонный Арланд, разбирающий очередное свидетельство о смерти или о вселении духа.

– Ух-ты... ты рано сегодня! – удивленно заметила я, про-

ходя к своему столу. – Не ожидала застать тебя дома.

– Я непредсказуем, – самодовольно фыркнул Арланд. Настроение у него, видим, было хорошее. – А сама почему так рано?

– Эммм... занятия отменили.

– Еще раз прогуляешь, и я посажу тебя под арест! – строго посмотрел на меня инквизитор.

– Эй, хватит сроить из себя родителя!

– Я говорю серьезно, Бэйр, – ответил он. – Сегодня я наведалься в тот особняк, нашел пятеро темных магов, сейчас они в Ордене. Ты знаешь, что в этом особняке в подвале были бумаги розыска с твоими портретами и еще множество всяких газетных заметок с твоими приключениями?

– В самом деле? – удивленно спросила я, оторвавшись от своих расчетов. – У меня что, теперь собственный клуб поклонников? И зачем я им понадобилась, ты не узнал?

– Кажется, дело было в твоей левой руке, – он кивнул на конечность, спрятанную в перчатке Маггорта. – Они хотели узнать, что это и как оно работает.

– Вот странно, раньше я их никогда не видела! Думаешь, это серьезно?

– Не знаю, что и думать, – вздохнул Арланд. – Эти пятеро явно не шибко одаренные, но то, что они за тобой следили – факт. Надеюсь, это не потому, что ты опять куда-то полезла без моего ведома... Ты ведь не колдовала своей левой где-нибудь, где тебя могли видеть остальные маги? – уставился

в меня подозревающим взглядом.

– Только в академии, и очень редко, – уклончиво ответила я, избегая проницательного взгляда инквизитора.

– Бэйр, ты ведь не станешь мне врать? Я все равно узнаю, – сурово сказал он, уставившись в свои бумаги. – Второй раз спрашиваю, куда ты опять сунулась?

– Ну... – врать ему было бесполезно! В Ордене их как будто специально учат говорить таким жутким тоном, что со страху все выкладываешь! И никакие пытки не нужны. – Зато у меня есть тридцать золотых, которыми я смогу оплатить ингредиенты и инструменты для создания талисмана... Я просто немного продавала свои зелья!

– И где же ты их продавала? – спросил он, тяжело вздохнув. От одного этого вздоха я сжалась, как нашкодивший ребенок.

– В одном месте, где собираются многие маги... туда все из академии ходят!

– На днях я туда наведаюсь и проверю, чем ты торгуешь, – пообещал он. – И, видят боги, увижу что-нибудь запрещенное!...

– Я не продавала ничего запрещенного, просто косметику для женщин и животных, а еще некоторые лекарственные снадобья! Честное слово!

– Я верю тебе, но туда все равно наведаюсь. «Черная вдова», так ведь?

– Да...

– Что ж, это не самое худшее. Завтра просмотрю список предлагаемых тобой товаров, и скажу, с чем тебе стоит прекратить. И, как ты понимаешь, варить свои зелья ты должна только дома, ясно? Незачем тебе щеголять перед магами своей силой, неизвестно, чем это может закончиться. Пока будем надеяться, что эти пятеро просто перекурили.

– Конечно, – кивнула я, почувствовав, как буря потихоньку рассеивается.

– А еще лучше будет, если я устрою тебя работать в Ордене. Ты любишь изобретать, а им всегда нужны хорошие амулеты и талисманы.

– Эй, я конечно, понимаю и ценю твою заботу, но не надо до такой степени меня ограничивать! – возмутилась я. – Я буду работать, как любая свободная ведьма.

– Тебя опекают белые совы, о какой свободе ты говоришь? – он недоуменно посмотрел на меня, оторвавшись от бумаг. – А я предлагаю тебе прекрасную возможность, лишь немногие маги удостоятся такой чести... Впрочем, сначала закончи академию, а потом посмотрим.

На этом и закончили. Разбежавшись каждый в свой угол, мы взялись за работу, давая неприятному разговору развеяться.

Мы мирно трудились до тех пор, пока в наш спокойный безмолвный мир не ворвалась Люська. Колдунья сидела какое-то время за уроками наверху, а потом заскучала и, поскольку Леопольда дома еще не было, решила посидеть в ка-

бинете вместе со мной.

– У меня важное дело, Люськ, не мешай... тут вычисления такие, что голову сломаешь, не до тебя! – отмахнулась я, когда подруга попыталась подлезть к мне с разговором о Чиж, который сегодня был очень уж мрачен, никак от всепоглощающей ревности: одна птичка напела ему на ушко, что я ушла пораньше совсем не из-за важных дел, а на самое настоящее свидание.

– Кто этот Чиж? – невзначай поинтересовался Арланд, не вынимая носа из своего досье.

– А вы разве не знаете? – Люська округлила глаза и под села к столу инквизитора. – Это же маг, который сохнет по Бэйр!

– Бэйр, кто этот маг, который по тебе сохнет? – спросил инквизитор голосом, звенящим от спокойствия.

– Никто. Он не в моих интересах, – ответила я, улыбнувшись, затем заставила себя вновь окунуться в мир сил и векторов...

– Ага, – поддакнула Люська, качаясь на кресле-качалке. – Он может сколько угодно бегать за Бэйр, но вряд ли ему что-нибудь перепадет. У нее ведь есть кое-кто куда менее робкий и скромный...

Арланд довольно качнул ногой под столом.

– Я уверена, это какой-нибудь гениальный маг! Это к нему Бэйр сбежала с занятий, думаю, – продолжила Люська, и Арланд нахмурился. – Вы не знаете, кто этот ее таинственный

любовник? Вся академия гадает!

– Понятия не имею, – ответил инквизитор, скользя взглядом по бумагам и делая вид, что ему не интересен этот разговор.

– Я думаю, его надо искать вне академии: там все для Бэйр скучные. Ее мужчина это, как говорит ее гороскоп, экстравагантный, умный и способный на нестандартное мышление колдун, – со знанием дела сказала Люська.

Арланд разозлился и тряхнул досье в руках, якобы чтобы оно лучше держалось в раскрытом виде.

– Люськ, ему это не интересно, – заметила я, пытаясь остановить болтливую девицу. Не дайте боги она скажет ему про свои подозрения насчет Райнара! Плакали тогда мои големы.

– Нет, почему же? Я же твой опекун, мне нужно знать, кого изувечить в случае чего, – ответил Арланд.

– Ах, вы хоть и странный, но свое дело знаете, – вздохнула Люська. – Бэйр так много всего хорошего о вас рассказывала, что и я уже начинаю подумывать о том, чтобы тоже завести себе опекуна-инквизитора...

Арланд улыбнулся.

– Лучше не пробуй, это большая редкость, когда инквизитор соглашается отягощать себя кем-либо, – важно заметил он.

– А вы как же решились? – Люська загорелась любопытством и от воодушевления принялась так сильно раскачиваться в кресле, что чуть не упала. – Тоже попали под все-

могущее обаяние Бэйр?

Инквизитор взглянул на меня и улыбнулся краем рта.

– Можно и так сказать, – ответил он.

Вскоре в доме раздался звон дверного колокольчика: вернулся Леопольд. Почувяв куда более дружелюбного собеседника, Люська взметнулась с места и побежала встречать оборотня.

– Экстравагантный умный маг с нестандартным мышлением? – хмыкнул Арланд, когда дверь в подвал захлопнулась за спиной девушки.

– Только не начинай, Арланд, – я подняла руки вверх в знак мира. – Я всю жизнь только и мечтала, что о святоше вроде тебя, какие вообще маги?...

– Хорошо, – услышав то, что хотел, инквизитор решил сменить тему: – Ммм... Как там твоя работа? Есть успехи?

– Первый день страдаю, а ты уже про успехи спрашиваешь! – фыркнула я и показала ему лист, исчирканный формулами. – У меня голова кипит. Примерная модель талисманна есть, но в деталях все очень сложно, не уверена, что смогу сделать все до сегодняшнего вечера... и до вечера ровно через неделю тоже. Есть огромное количество информации, которую мне нужно перелопатить.

– Тогда не буду тебя отвлекать... мой маленький маг с нестандартным мышлением, – ласково фыркнул инквизитор.

Через несколько минут в подвал вошел Леопольд и объ-

явил о том, что за Арландом пришел посыльный из Ордена. Туда доставили свеженького одержимого, и нужен экзорцист.

Инквизитор, закатив глаза, встал и отправился работать, а я осталась наедине со своими формулами.

Просидев до восьми часов вечера, я, шатаясь, выползла из кабинета в гостиную, откуда доползла до кухни.

– Еды... – умоляюще посмотрев на Лео, который гонял чай на пару с Люськой, я грохнулась за стол.

– Яблочный пирог, говядина с клюквенным соусом, вареная кукуруза, салат? – спросил он.

– Все!

– Ты плохо выглядишь, – заметила Люська. – Переработала.

– Есть немного... – кивнула я и плавно опустила голову на сложенные на столе руки.

Снова прозвенел дверной колокольчик.

– Это, наверное, твой опекун вернулся, – решила Люська и побежала открывать.

– Поздно он, – заметила я. – Я думала, он уже пришел.

– Нет, он предупредил, что будет только ночью, – покачал головой Лео. – Может, опять какой-нибудь торговец?

– Бэйр! – на кухню вбежала испуганная Люська. – Бэйр, там какой-то странный мужик, говорит, что тебя знает!... Он там полуголый, в одном старом грязном одеяле!

– Понятия, не имею, кто это... – простонала я. – Что же

это я всем так внезапно понадобилась за последние дни!?

– У него язык заплетается и ноги его едва держат. Кажется, он очень болен, – заметила девушка.

Мы с Лео пошли к входной двери, проверять, что же это за бомж такой, который меня знает.

– Люциус!?! – воскликнула я, увидев на пороге скрючившегося и дрожащего мага. Вся его шея была залита кровью: похоже, он выдрал себе серьгу! – Ты как тут оказался?

– У меня воспаление легких... мне нужно в дом, – прохрипел чародей и зашелся страшным кашлем.

Я помогла магу пройти внутрь и усадила его на диван в гостиной, Лео побежал за чистой одеждой, теплыми одеялами и бинтами.

– Как ты... добрался сюда? – спросила я у мага, стараясь не выдать его происхождение Люське, которая глаз не сводила с нового знакомого.

– Ты вчера продержала меня на улице несколько часов!... – Люциус согнулся в кашле снова. – Могла бы хотя бы зайти, проведать меня!...

– Прости, я совершенно замоталась, у меня работа и...

– Я – твоя самая главная работа! – возмутился чародей, садясь на диване. – Я тебе не скотина безмозглая, я человек, доверивший тебе свою жизнь и здоровье!

– Ты останешься в доме, пока не поправишься, – пообещала я.

– Вот одежда, там еще ванна набирается горячая, – в го-

стиную спустился Лео со сопкой вещей. – Дойти сможешь, или у тебя опять отходняк?

– Нет, помогите мне. Ноги пока плохо слушаются, – важно ответил чародей и, держась за мое плечо, встал.

Мы с Леопольдом отвели его в ванну и, награв там воду, стали ждать, пока он отогревался и мылся за ширмой

– Горячая вода! Я уже забыл, что это такое! – блаженно урчал Люциус, плескаясь. – Мне нравится красная мочалка, чья она?

– Моя. Бери. Можешь еще взять шампунь – это синеватая жидкость в прозрачной бутылке, и мыло, оно светло-зеленое.

– Приятно пахнет... не то что та гадость, в которой ты меня обычно моешь! – ответил Люциус, шумно вдыхая запах из бутылки. – Ж-ж-живодерка!

– Я покупаю тебе дорожущее мыло для лошадей, чтобы твоя шерсть была здоровой и блестящей! Живешь, как король, я тебя даже в стойле не запираю, ты гуляешь по всему городу, когда захочешь, так что жаловаться тебе не на что, – грозно ответила я.

– Ладно... я просто устал молчать, так что, если не хочешь, чтобы я жаловался, поговори со мной о чем-нибудь. Расскажи, что вы все тут делаете, – попросил он, обильно намыливаясь. Эх, весь шампунь сейчас потратит, гад...

– Нет, это ты расскажи, как ты снял кольцо с уха! – перебила его я.

– Как-как... в ветку дерева продел и стянул.

– Отдай его мне, Люциус.

– Ага, вот прямо сейчас и отдал! – фыркнул чародей. – Я оставляю его у себя, пока ты не снимешься с места. Я твоя лошадь, пока ты путешествуешь, но пока ты во мне не нуждаешься, я хочу быть человеком, ясно?

– Рэмол найдет тебя прикончит, – напомнила я. – Этого хочешь?

– Я родился человеком и никакой даже самый блаженный серафим не имеет права превращать меня в существо совершенно другого вида!

– Люциус, ты неадекватен, тебе нельзя быть человеком! К тому же, где я тебя поселю? Что скажу Арланду? Нет, это даже не обсуждается, сейчас ты вымоешься, поешь, отдохнешь, потом наденешь кольцо на ухо и вернешься в сарай! Я вызову лучшего ветеринара в городе, утеплю твое жилище, куплю более теплую попону, буду за тобой ухаживать, но никак иначе!

– Нет! Ты поселишь меня в своей комнате, скажешь инквизитору, что я твой друг из академии, и дашь мне место под лабораторию, чтобы я мог продолжить свои опыты! Опыты! Я один из талантливейших магов столетия, а вынужден жрать овес и тупеть в стойле! – он с досады хлопнул рукой по воде и разбрызгал ее на пол. – Что до моей адекватности, то, да, до тебя и твоих дружков мне конечно же далеко! У меня нет галлюцинаций, не ору демоническим матом и даже не жру сырых мышей!

– Лео не ест сырых мышей!

Оборотень пристыженно опустил глаза в пол.

– При тебе конечно же не ест! К нам в сарай заходит, превращается в кота и устраивает там кровавые бойни!

– Даже если так, то это не делает тебя менее опасным для общества, – строго заметила я. – Ты одержим вредительством!

– Я не одержим, я просто шутил над вами, – недовольно фыркнул Люциус. – Да, в прошлом я совершил много великих злодейств, но сейчас, когда рядом со мной инквизитор и я под надзором серафима, что я могу такого сделать? Только и осталось мне, что вытворять время от времени невинные пакости!

– Люциус, это не обсуждается...

– Нет! Я не дам тебе засадить меня обратно в лошадиное тело, ясно!?! – взвизгнул маг и попытался встать в ванной, но упал обратно, разбрызгал еще больше воды и чуть не захлебнулся. Я уж думала бежать на помощь, когда снова раздался его голос: – Я что угодно сделаю, хоть академию за тебя закончу, только не смей снова делать из меня лошадь!

Его предложение было настолько неожиданным и привлекательным, что я даже не сразу ответила, всерьез задумавшись над ним.

– Так идет? Я научу тебя мета-магии, буду выполнять за тебя домашнюю работу из академии, а ты сделаешь так, чтобы я жил в этом доме человеком, и никто не знал о том, что

я был лошадыю!

– Я знаю! – напомнил Леопольд. – Бэйр?

– ...А вот инквизитору и остальным соври что-нибудь! Я не хочу, чтобы на меня смотрели, как на животное, ясно!?

– Я не стану врать из-за тебя Арланду, – отрезала я. – Остальным говори, что хочешь.

– Значит, я остаюсь?... – спросил Люциус голосом, в котором уже не было привычной истеричности, только нотка недоумения, как будто он сам пока не верил в то, что у него получилось добиться своего.

– Бэйр, это плохая идея! – сказал Леопольд. – Ты помнишь, что было в прошлый раз? Он не очень-то похож на больного, на самом деле!...

Под взглядом Лео это решение далось мне еще тяжелее, но отказываться от своих слов я не стала. Мне было искренне жаль колдуна, и... в крайнем случае, Арланд с ним справится.

– Да, ты остаешься... до поры до времени, – я встала со своего стула и направилась к двери, ведущей из ванной. – Я жду тебя на кухне. Нож для бритья и ножницы в тумбочке, твоя одежда сложена на корзине для грязного белья, приведи себя в порядок: у нас гости.

– Хочешь, чтобы я брился, не чувствуя пальцев?... Наверняка ты просто хочешь, чтобы я порезал себе горло!

– Просто мечтаю об этом, – я закрыла за нами с Лео дверь.

Люська ждала нас на кухне, на столе уже стояли тарелки

с ужином.

– Он скоро спустится, – сказала я, садясь на свое место.

– Кто он? – Спросила Люська, которая вопреки своему обыкновению даже не улыбалась: проклятый маг совсем перепугал ее.

– Его зовут Люциус, он маг. Он будет помогать мне по работе, – ответила я. – Он болен, ему нужно поправится. До тех пор, пока не выздоровеет, побудет с нами, – невозмутимо ответила я.

– А Рэмол? Демонтин? – встрял Леопольд. – Ты совершаешь ошибку! Они ясно дали понять, что не хотят видеть Люциуса... Люциусом.

– Они не могут убить его за то, что он простудился! И хватит об этом.

– Я все еще здесь и все слышу! – напомнила Люська, помахав рукой. – Кто этот Рэмол? И не тот ли это Демонтин, чей дневник ты брала из библиотеки? О чем вы оба вообще говорите!?! Это ведь клички, это не те самые?...

– Обо мне, полагаю! – на кухню вошел Люциус. Это было настоящее явление... Таким колдуна еще никто не видел.

Он зачесал коротко подстриженные блестящие после ванны волосы назад и сбрил свою густую бороду. Кроме того, он был одет в темно-фиолетовый махровый халат Лео, который ему шел даже больше, чем оборотню, и вокруг шеи колдуна был обмотан дорогой шерстяной шарф.

– Это моя одежда! – вспыхнул оборотень и даже привстал

из-за стола. – Я не разрешал тебе брать мой халат!

– Вместо этого ты дал мне жалкие обноски. Очень гостеприимно, – фыркнул Люциус с видом оскорбленного графа и уселся к моей тарелке с мясом. – А кто это рыжее недоразумение? – он ткнул вилкой в сторону Люськи.

– Линда, вообще-то, – поправила девушка, растекаясь по столу медовой лужей. Рыжий, маг, да еще и такой впечатляющий... мне уже было жалко Люциуса. – Может, расскажете о себе? Никто из них, – она кивнула на нас с Леопольдом, – так и не сказал ничего дельного. Я не знаю, что и думать о вас и вашем странном появлении!

– Обо мне?... Да что эти два невежливых олуха могут рассказать обо мне!? – в голосе Люциуса было столько пафоса и гордыни, что можно было подумать, будто он сам Цезарь, чьи достоинства и таланты еще не перечислили недогадливые слуги, внезапно забывшие целые поэмы, специально сочиненные на случай нового знакомства. – Они же ничего не знают обо мне, хотя мы больше года путешествуем вместе. Например то, что я родился и вырос в этом городе – для них новость. Видишь глаза Бэйр? А Леопольда? Да-да, я даже закончил ту самую академию, в который вы сейчас учитесь. И снова они удивлены... они ничерта обо мне не знают!

– Ты вырос в Трехполье? – переспросила я, не веря своим ушам. То, что у того чокнутого вообще когда-то было детство, родители, и юность... это сложно было представить.

– Бэйр ничего не говорила о вас, – сказала Люська. – Я

думала, они путешествовали только втроем.

– Им хватает наглости такое заявлять, – фыркнул колдун.

– Наглости? – Леопольд изогнул изящную серую бровь и недовольно посмотрел на Люциуса. Под взглядом оборотня колдун стушевался: он еще помнил те кастрюли.

– К черту это все, я хочу добавки, не отвлекайте меня, – царственно отмахнувшись от Линды, Люциус встал и, величественно заправив халат, пошел накладывать себе еще мяса.

– Оставь два куска Арланду, а не то он тебя прибьет: он обожает мясо в клюквенном соусе, – замети Лео.

Люциус, к моему облегчению, заткнулся на целый вечер. Постепенно Лео и Линда продолжили свой прежний разговор об образовании и его необходимости. Оборотень утверждал, что по-настоящему тянущимся к знаниям учителя не нужны, так что академии и университеты – совершенно бесполезные предприятия, Люська же восхваляла прекрасную студенческую жизнь и настаивала на то, что академии необходимы для заведения знакомств.

Я посидела немного с ними, а потом взяла Люциуса под локоток и отвела в свою комнату спать, заранее объяснив, что он может делать, а чего нет. Когда колдун торжественно поклялся не портить мои вещи и не будить всех рано утром, я смогла с более-менее спокойной душой переселиться в комнату Арланда.

Сказался день напряженной работы: уснула я очень быст-

ро, так и не дождавшись инквизитора.

Проснувшись поздно утром, я прислушалась к грохоту, доносившемуся из умывальной. Видимо, этот шум меня и разбудил.

Когда я вошла внутрь, увидела, что Арланд, еще не сменивший свою ночную экипировку на дневную, безуспешно пытается расставить обратно на полку все свалившиеся с нее банки-склянки-бутылки, которые вместе со мной перекочевали к нему в умывальную.

– Слонишь с утра пораньше? – зевнула я, опершись плечом на дверной косяк.

– Слоню... – хмыкнул в ответ Арланд. – Запутался ногами в твоем полотенце, которое ты кинула на полу, стал падать, схватился за полку... вот, – он указал на раскатившиеся по полу бутылки. К счастью, ни одна из них не разбилась. А почему это все в моей комнате?... Я, конечно, не против...

– Я не заметила, как ты вчера пришел, – я зевнула еще раз и стала помогать ему собирать упавшие склянки. – Поздно вернулся?

– Нет, не очень. Лео и твоя подруга еще сидели на кухне, сказали, что ты спать пошла всего час назад... я надеялся поговорить с тобой, но ты уже уснула.

– Я вчера так замучалась с этим талисманом... просто кошмар какой-то! На практике все оказалось гораздо тяжелее, чем я ожидала, – пожаловалась я, сонно потирая лицо.

– Но ты ведь справишься? – спросил Арланд, тем не ме-

нее не сомневаясь в ответе. Он подошел к раковине и стал умываться.

– Да, я знаю, что и как делать, просто эти вычисления убивают меня, – горько вздохнув, я уселась на тумбочку возле раковины и схватила зубную щетку. – Что-нибудь напутаю, вектор не рассчитаю, и мой талисман будет высасывать душу, а не защищать ее... Это все не так просто, – я замолчала, поковыряв ей в баночке с зубным порошком и засунув в рот.

– Может, сходим сегодня вместе на рынок? – предложил Арланд, мастерски выбривая лицо остро заточенным кинжалом. Как и у братьев-демонов, у него были свои приколы со странной расцветкой: при белесых волосах угольно черные брови и борода. Чтобы не вызывать подозрений, Арланд брился начисто каждый день, а иногда даже дважды, что бы в Ордене ни волоска не увидели. – Сегодня ведь праздник встречи Нового года. Я слышал, в Трехполье в честь такого события проводится фестиваль, люди до утра гуляют по улицам города, на главной площади устраивается ярмарка с соревнованиями и конкурсами, дети ходят разряженными толпами по домам, поют песни и получают за это сладости от прохожих, – он замолчал, смывая пену с лица и шумно фыркая. – Надо бы закупиться всем необходимым, Лео наверняка захочет приготовить что-нибудь особенное... к тому же я хочу сделать тебе какой-нибудь подарок на праздник, ты выберешь, что тебе хочется.

– Хочешь сделать мне подарок? – я удивилась. Хотя Ар-

ланд никогда не отличался скупостью и всегда покупал для меня самое лучшее, стоило мне только заикнуться о чем-то, я никак не могла привыкнуть к такому вниманию.

– Да, – ответил инквизитор, вытершись полотенцем. – Вчера мне выдали зарплату в Ордене... она оказалась куда больше, чем обычно, – гордо сказал он. – Премия, наверное.

– Сколько же? – Арланду определенно хотелось похвастаться, и я решила дать ему эту возможность.

– Две тысячи золотых! – довольно рассказал Арланд.

– Ничерта себе! – присвистнула я. – Но мы оба знаем, что ты того стоишь! Конечно, город не хочет терять такое сокровище, как ты, – улыбнувшись, я крепко обняла довольного инквизитора. – Где они еще смогут найти такого умницу?

– Представляешь как выходит?... – продолжил Арланд. – Я думал, что мне время от времени придется брать денег у семьи, а вышло, что я им еще и помогаю! Половину заработка я уже перевел Сеймурам, а остального нам вполне хватит на то, чтобы ни в чем себе не отказывать.

– Ты молодец, им наверняка сейчас не просто, после ослабления Хранителя и при таких обстоятельствах... Кстати, как там племенник? Они уже определили, к какой сфере он склонен? В последнем письме опять ничего про это не было!

– Ганс совсем маленький, – напомнил Арланд. – Не все маги с рождения мечут искры, его асимметрия наверняка еще едва заметна.

– Сколько месяцев прошло?... – я прикинула в уме. – Твоему племяшке скоро год! А вдруг он духовидец, как ты?

– Ты так волнуешься, как будто это твой племянник ... – усмехнулся инквизитор.

– Ну... Меня очень многое связывает с твоей семьей, это ведь благодаря нам с Дейком все так обернулось, так что мне интересна их дальнейшая судьба... Как думаешь, он рыжий вырастет или, как все Сеймуры, беловолосый? Почему не присылают его портрет?

– Надеюсь, беловолосый, – довольно ответил Арланд, мечтательно смотря куда-то в даль и не выпуская меня из рук. – Мне приятно, что ты так относишься к моей семье... я думал, ты считаешь их чопорными графьями и недолюбливаешь.

– Вовсе нет!

– Это хорошо, потому что...

– Потому что я не забываю своих клиентов и в будущем обещаю им скидки, – усмехнулась я, не давая ему сказать какой-нибудь глупости.

Тут дверь в умывальную с грохотом распахнулась.

– Белобрысый, у тебя бритва есть? – бесцеремонно спросил Люциус.

Колдун был во вчерашнем фиолетовом халате. Жесткая щетина, отросшая за ночь, портила всю его эспаньолку.

Арланд уставился на него ошалевшими глазами. Он так растерялся, что не знал, как реагировать.

– Бритва есть, спрашиваю? – колдун помахал перед глазами Арланда рукой. – Или нож хорошо заточенный?

– Кто ты такой!?! – наконец очнулся инквизитор, и нож, лежащий на тумбочке, мгновенно оказался в его руке.

– Арланд, стой! Это то самое, о чем я не успела тебе рассказать! Он... в общем, он имеет полное право здесь находиться, – я встала между ним и чародеем на тот случай, если инквизитор не послушает меня и набросится на Люциуса.

– Объясняй и побыстрее, пожалуйста, – Арланд не сводил взгляда с колдуна и крепче сжав в руки кинжал.

Счастье Люциуса, что инквизитор из-за паранойи даже в ванной ходит в перчатках, если бы колдун увидел татуировки, никакие объяснения бы его уже не спасли.

– Помнишь, ты постоянно спрашивал, что не так с моим конем? – осторожно начала я.

– С Чертом? Какое это имеет отношение к тому, что незнакомый человек в халате Леопольда врывается к нам в комнату с утра пораньше!?

– Прямое, Арланд, Черт на самом деле не конь! Это был заколдованный колдун. Сейчас он заболел и попросился немного побыть в доме, полечиться.

– Что!?! – инквизитор ожидал чего угодно, но не такого нелепого оправдания. – Ты правда думаешь, что я в это поверю!?

– У тебя нет выбора, иначе тебе придется держать в доме не коня Бэйр, а ее брата, – произнес Люциус, насмешливо

опустив глаза на пояс инквизитора. – У брата будет больше прав, чем у коня, так? Если я скажу, что я брат Бэйр, то смогу не платить за проживание, всячески вам надоедать и даже требовать с тебя денег за то, что ты домогаешься до моей сестры... – кивнул на мою рубашку. – Так ты дашь мне этот нож? – глаза колдуна перескочили на серебристое изогнутое лезвие.

– Он твой брат? – Арланд совсем запутался и вопросительно посмотрел на меня.

– Нет, он мой конь. Это Черт, просто в облики человека. Его зовут Люциус.

– Как человек стал конем? И наоборот? – судя по глазам инквизитора, его рассудок с трудом принимает наши объяснения. Возможно, он уже думает, что это очередное видение, насланное призраками.

– Люциус – сумасшедший колдун, – стала объяснять я. – Лет двенадцать назад он совершил какое-то страшное преступление, связанное с единорогами, и за это Рэмол превратил его в лошадь, чтобы тот вдоволь пострадал будучи безвольным животным. Превратив Люциуса в лошадь, серафим продал его первому встречному. Так случилось, что Дейк, когда крал лошадей для себя и меня, случайно украл именно Черта. Когда мы пришли к Демонтину и его брату, Люциус взбесился и Рэмолу пришлось превратить его обратно в человека и лишить магии, чтобы он никого не убил. Так я узнала, кто Черт на самом деле, и мы с ним познакомились.

Когда я и Леопольд ушли из усадьбы, Рэмол дал мне серьгу, которая превращает Люциуса в лошадь. Если ее снять, Люциус становится человеком. Серьгу он вчера стянул с помощью ветки дерева и стал человеком. Он заболел, попросился погреться в доме. Я ему разрешила.

– Так... – что-то светлое мелькнуло в глазах Арланда. Кажется, до него начал доходить тот фантастический бред, который я пыталась ему объяснить. – Значит ты – конь Бэйр? – инквизитор вопросительно уставился на Люциуса.

– Да. И твою кобылу я, между прочим, не трогал! – выдал колдун с обиженным видом. – А ты на мою ведьму покушаешься! Где справедливость?

– Беладонну?...

– Арланд, ты сегодня тугодум. Дай ему нож, пускай свалит отсюда и побреется.

– И да, – получив нож, Люциус довольно его осмотрел, и, продолжая глядеть на него, заговорил с нами. – Я не советовал бы вам заниматься тем, чем вы обычно по утрам занимаетесь: все уже проснулись и ждут вас к завтраку.

– Иди вон, Люциус! – я толкнула его в сторону двери.

– Значит, твоя лошадь человек и теперь он будет жить с нами? – недовольно нахмурился Арланд, когда в комнате снова стало пусто.

– В моей комнате, – кивнула я. – Он обещал вести себя прилично, я за него ручаюсь.

– Насчет него... мне нужно подумать. Но Линда долж-

на уехать. Прости, но я не хочу, чтобы в нашем доме было столько народу.

– Будем гулять по рынку, найдем ей квартиру, – кивнула я. Мне и самой не хотелось, чтобы Люська общалась с Люциусом, с чародея станется однажды не выдержать и разболтать ей все о нас.

Одевшись в домашнюю юбку и свитер, я спустилась вниз, на кухню.

Лео, в шелковой сизой блузе и черных штанах, в сером дорогом фартуке и с замысловатой тяжелой косицей стоял у плиты и заканчивал восхитительный шоколадный десерт с ванильным кремом – наш завтрак. Подглядев за поварами в кондитерской, Лео научился делать все невероятно быстро, он одновременно двумя руками выполнял разные действия и поэтому за одно утро умудрялся приготовить всего на целый день. Но сегодня, судя по запахам, он решил готовить только завтрак.

Люська сидела за столом и не знала, на кого смотреть, на прекрасного талантливового повара или на рыжего мага, читающего утреннюю газету с таким интеллигентным аристократическим видом, который даже Сеймурам не снился.

Люциус – вполне себе копия Истэки Демонтина. Оба гениальные маги, оба рыжие, оба тяготеют к сдержанной роскоши... как они вообще могли не подружиться до тех пор, пока Люциус не натворил чего-то там?

Впрочем, если Демонтин переставал казаться адекватным

только при более близком знакомстве, то Люциус... Иногда его движения становились судорожными, глаза резко начинали бегать, руки – трястись, речь из спокойной и уверенной нередко прерывалась невнятными, как будто испуганными бормотаниями. Всем сразу становилось ясно, что маг немного не в себе.

Вскоре на кухню спустился Арланд, раздраженный, но, в общем и целом, в мирном расположении духа. За завтраком было решено всем вместе идти на рынок за продуктами, украшениями, подарками, сладостям и прочими сопровождающими праздника.

Идея была одобрена, Леопольд тут же поскакал в свою комнату за кулинарной книгой (ее написал какой-то финийский повар, перед которым оборотень преклонялся, как перед богом, к тому же это был единственный кулинар, чье превосходство Лео готов был признать). На совете мы решили, что именно будет у нас в качестве праздничного ужина, и составили примерный список покупок.

Впрочем, праздничное настроение Люське Арланд все-таки подпортил, он дал понять, что она съедет от нас сегодня же и посоветовал заранее собрать вещи перед уходом. Мягкостью инквизитор никогда не отличался, поэтому девушка, кажется, сильно обиделась, хотя и старалась не подавать виду. Я пыталась извиниться перед ней, и она вроде сказала, что все понимает, но я видела, что она очень расстроена.

Собравшись и одевшись, мы всей веселой компанией от-

правились на рынок. Он находился в двух кварталах от нашего дома и до него нужно было идти по улицам. Люциус, который, как оказалось, в самом деле провел почти всю жизнь до превращения в лошадь в этом городе, постоянно забегал вперед и любовался памятниками, какими-нибудь старыми лавками, магазинчиками, которые помнил, и упоенно рассказывал нам, где тут что было, когда он еще жил тут.

– А как давно это было? – спросила Люська, шедшая между мной и Люциусом, ссутулившись и засунув руки в широкие карманы зеленого пальто. – Точнее, сколько вам лет?

– Сколько мне лет? – Люциус мигнул светло-кариими глазами в темную крапинку, сделав совершенно тупое лицо. Будучи лошадью, он постоянно так делал, когда нужно было изобразить ничего не понимающую скотину, чтобы от него отстали. Привычка, видимо.

– Да. Сколько? – повторила вопрос Люська. – Мне вот двадцать.

– Мне... – маг серьезно задумался и начал считать по пальцам. Глаза его округлись, когда он нашел нужное число. – Скажем так, в вашей академии меня вряд ли кто-то помнит.

– Значит, больше ста? – уточнила девушка.

– А вот и не скажу!... – правый глаз Люциуса задергался, и маг поспешил отвернуться, сделав вид, что внимательно рассматривает очередной магазинчик.

Мы дошли до рынка и почти сразу же разделились.

Лео убежал за продуктами, махнув нам на прощание темно-фиолетовым бантом над кокетливо закрученной кисточкой длинной косы.

Арланд, сунув мне в руки кошелек и незаметно чмокнув в щеку, побежал за ним, распугав всю рыночную площадь. Если человек в мантии инквизитора куда-то быстро бежит, значит, нет сомнений, он бежит за кем-то, и остается только надеяться на то, что не за тобой.

Люська неожиданно встретила старого приятеля и умчалась к нему, так как мы ей, видимо, за пару дней наскучили.

Остались только я и Люциус.

Темная сторона города

Люциус мерзляво поджимал ногу в старом Леопольдовском сапоге, который был велик магу на несколько размеров.

– Пошли купим мне одежду, и тебе что-нибудь попримечнее присмотрим, – предложил он. – Середина зимы, а ты все в осеннем ходишь!

Пожав плечами, я пошла за ним, лениво высматривая на прилавках что потеплее. Вскоре я заметила, что маг определенно знает, куда ему надо идти: он шел уверенно, не обращая внимания ни на что вокруг.

– Куда ты меня ведешь?

– Как я понимаю, исследовать город тебе было некогда? – уточнил он, не замедляя шага. – Тут есть одно потрясающее место: там можно купить абсолютно все. Ты должна там побывать.

– И что это за место такое, где можно купить абсолютно все? – спросила я, улыбнувшись сама не зная чему.

– Узнаешь, когда придем, – Люциус, ушедший вперед, обернулся и улыбнулся, жестом велел мне идти быстрее.

Определенно, родные края хорошо влияют на психику мага. Уже почти полдень, а он до сих пор ничего не натворил и ведет себя, как среднестатистический здоровый человек!

– Знаешь, я провел в этом месте всю молодость! Столько воспоминаний... никогда не думал, что я буду страдать тем,

что ты называешь сентиментальностью, но... меня трясет от переживаний! – восторженно рассказывал колдун, зачем-то таща меня на городское кладбище. Оно находилось за чертой города, и мы уже около пятнадцати минут шли по заснеженному кладбищу, разгребая сугробы.

– Ты ведь не хочешь сказать, что сидел всю молодость в склепах? – я опасливо посмотрела на старую кладку камней, полуразвалившийся склеп какого-то древнего богача. Сейчас там наверняка уже все разграбили, а ученики магической академии растащили кости на эксперименты, но все равно рядом с такими местами мне становится жутко: обычно всегда вся нечисть просыпается именно тогда, когда я оказываюсь рядом. А кладбище, это такое место, где нечисти много. Очень много.

– Хах, можно и так сказать, – усмехнулся Люциус, коснувшись уголка рта согнутым пальцем. Маг, не прекращая счастливо улыбаться, торжественно распахнул передо мной дверь другого склепа, пока еще целого.

– Может, не стоит? – я с сомнением осмотрела строение, а потом взглянула на колдуна.

Склеп представлял собой небольшое здание с высокой остроконечной крышей, старой металлической табличкой над дверью, гласящей о том, что лежит здесь колдунья Палава Черная. Над скользкими от снега ступенями стояла черная от времени деревянная дверь. Медная ручка на ней блестела, как рождественская свечка.

– Входи же, – Люциус кивнул на вход. – Там безопасно, уверяю. Для таких, как мы с тобой, подобные места и созданы.

– Что ж, ладно, – посмотрев на Люциуса еще раз, я не заметила на его лице ни капли издевки и решилась.

Зайдя в склеп, я не обнаружила ничего, что предвещало бы скорого нашествие зомби или появления привидений. Самый обычный пыльный склеп, посередине – очень высокий гроб с очертаниями пожизненной внешности усопшей на крышке.

– И что здесь такое?

– Хе-хе, то, о чем инквизиторы и власти не догадываются уже много-много лет!... О том, что ты сейчас увидишь, ты не должна рассказывать Арланду, поняла?

– Посмотрим...

Я с интересом наблюдала за Люциусом, опустившемся на колени у более длинной стороны гроба и старательно что-то выискивающего. Вскоре лицо чародея просияло: он нашел, что искал. Маленький выпуклый камень.

Одно нажатие, и стенка гроба опустилась, открыв нам... проход к лестнице, ведущей вниз.

– Я первый, если не возражаешь. Тут скользко.

Колдун зажег светячок и задом стал спускаться по каменной лестнице. Через некоторое время, когда он совсем скрылся, стала спускаться и я.

Мы шли вниз минут пятнадцать прежде, чем лестница

кончилась. Тогда мы оказались в подземном коридоре, где вдоль стен были развешены услужливо зажженные магические фонари.

Тайных ход в склепе? Любопытно, однако...

– Идем дальше, – Люциус поманил меня рукой и устремился вдоль коридора. Я поспешила догнать чародея, стараясь не обращать внимания на неприятное громкое эхо от цоканья каблуков.

Коридор продолжался недолго, вскоре я заметила, что свет, ложащийся на стены, вовсе не от фонарей: впереди был свой источник зеленоватого освещения. Еще немного, и я стала различать нарастающий шум, напоминающий гомон рынка.

– Добро пожаловать на Черный рынок Трехполя, маленькое подземное королевство темных магов, разбойников и всех тех, кто на поверхности вне закона! – торжественно произнес Люциус, открывая передо мной штору из старой дырявой ткани.

Мне пришлось прищуриться, таким ярким показался зеленоватый свет ярмарки после мрачного коридора! Только я вышла, как на меня налетел мерзкого вида низкорослый гоблин и, извинившись, побежал обратно. Сразу после этого мимо меня пронеслась разъяренная ведьма, махающая иссохшими костлявыми руками и вопившая что-то про кражу.

Этих первых впечатлений мне хватило для того, чтобы полюбить это место раз и навсегда.

Передо мной раскинулись огромные подземные залы, делившиеся гигантскими рядами сталактитов на бесконечные улицы, повсюду разбросаны палатки с разнообразными товарами, потолок находился в семидесяти метрах над землей, туда же вздымались гигантские сталагмиты, в которых были выдолблены лестницы, балконы и помещения – жилые или торговые, не понятно. Всюду царил густой зеленоватый полумрак, который создавали основные источники освещения – большие кристаллы, вмурованные в камни.

– Нравится? – довольно спросил Люциус, осматривая все с не меньшим восторгом. – Я был королем этого места, меня знал каждый торговец и каждый маг! Не было такого товара, который я здесь не брал, не было ничего, что я не мог себе позволить, не было наемника, которые не мечтал бы получить от меня зачарованное оружие... – мечтательно рассказывал чародей. Мы ходили между лавками, он все говорил, а я внимательно рассматривала предлагаемые товары. Здесь в самом деле можно было купить все: от животных и запрещенных магических книг до одежды и еды. – Раньше я чувствовал себя одним из тех, на ком тут все держится. Но, как оказалось, и без меня это место цветет! В конце концов, великие маги всегда рано или поздно пропадают без вести, я уверен, никто даже не удивился тому, что я исчез на целых тринадцать лет.

– Ого! – я увидела самого настоящего тролля, продающегося за смешные три тысячи золотых. Это было очень высо-

кое тощее существо с землистого цвета кожей и раскосыми маленькими глазами, его темные волосы были прямыми и блестящими, как у девушек на пачках краски для волос из моего мира. То, что это был тролль, а не какой-нибудь страшненький леннай, я поняла только по табличке с ценой, гласившей, что продается именно тролль. – Мне, кажется или он... – я вопросительно посмотрела на Люциса.

– Похож на Леопольда, – кивнул колдун. – Тролли – те же самые дети проклятия. Только наш, как я понял, еще и первый плод истинной любви, поэтому родился посимпатичнее и со способностями. Троллей еще называют детьми ведьм. Не таких, как ты, а злобных, на голову двинутых рашемийских северных ведьм. Эти карги похищают заблудившихся охотников и пользуются их мужской сутью, пока несчастные не умрут под ними! Родившихся детей они распределяют по полу, девушек берут в свои ряды, а парни у них вроде слуг. Тролли, кстати, идеально подходят для этой роли, они в меру сообразительные, но любят жить по указу.

– И поэтому их продают в рабство!?

– Нет, никто их не продает. Они сами, – Люциус кивнул на тролля, которого я заметила. Никто рядом с ним не стоял, он сам держал табличку и приветливо всем лыбился, с видом уютской собачонки, мечтающей обрести хозяина. Заметив наше внимание, он улыбнулся еще шире, показав короткие заостренные зубы, и помахал табличкой, мол, дешевле не найдешь.

– Да уж... – я поспешно отвела от тролля взгляд, и мы пошли дальше.

– Значит, ты здесь часто бывал раньше? – спросила я после некоторого времени молчания. Неожиданно для себя я поняла, что мне на самом деле интересно слушать, что рассказывает Люциус. Его болтовня словно прокидывала мост между мной и этим удивительным местом.

– Да, причем очень часто, – кивнул колдун. – Любой маг Трехполя, хоть что-то из себя представляющий, вхож сюда. Если маг не знает о Черном Рынке, значит он слишком слаб. Сюда приглашают избранных, в которых что-то есть. Существуют специальные люди, занимающиеся подбором новичков.

– Я до сих ничего не знала о таких местах...

– Теперь знаешь: я привел тебя сюда специально для этого, – усмехнулся колдун. – В моих правах приводить сюда новеньких.

Я одновременно испытала чувство гордости и благодарности. Теперь и я избранная... ведь моя лошадь с прошлым магического гения считает, что я чего-то стою, как маг!

– А что ты тут больше делал, подавал или покупал? – снова спросила я.

– Поначалу продавал, но потом уже не было нужды ждать покупателей: они сами меня находили, – рассказал маг, кивнув в знак приветствия проходящему мимо гоблину – низкому зеленому существу с большими широкими зелеными

ушами и кошачьей мордочкой.

– Думаешь, я тоже могу попробовать торговать здесь? – спросила я.

– Вряд ли, – поморщился Люциус. – Чтобы начать торговлю, нужно проводить тут сутки по началу, то есть поселиться здесь. Сомневаюсь, что твой инквизитор это одобрит.

– Жаль...

– Не расстраивайся, торговля здесь точно такая же, как наверху. Спрос большой, но и предложений не мало. Ты ничего не потеряешь.

– Вошла бы, так сказать, в магическую элиту, – я пожала плечами.

– Магическая элита не стоит у прилавков, дорогая, – усмехнулся Люциус. – Лучшие из лучших уже дано сымитировали собственную смерть и живут бесплотными призраками, блуждая по миру и занимаясь, чем захочется, под чужими именами!

– То есть залегли на дно, как Демонтин?

– Демонтин – отдельный случай. Он – живая легенда. Он великий, но не все маги готовы считать его таковым, – принялся рассказывать Люциус с видом бывалого преподавателя. – Большинство относится к нему враждебно, потому что его открытия все с ног на голову перевернули. Как это можно принять, что из ничего, из воздуха, можно создать золото, воду, ткани? Как можно поверить в то, что мир состоит из каких-то крошечных частиц, а не из сплошной материи?

Демонтин впервые заговорил об этом! Это звучало, как бред безумца, но он доказывал свои теории, разрушая мировоззрение, строящееся тысячелетиями. Одно только удержало мир от падения в бездну беззакония: маги такой огромной силы, которая может менять вещества, рождаются чрезвычайно редко и, как правило, умирают еще в детстве. Иначе мир бы разрушился, материя превратилась бы в нечто невообразимое из-за постоянных изменений...

– Да уж... – я представила себе масштабы катастрофы, если бы каждый маг стал менять материи по своему усмотрению, и меня передернуло. – Но тебе повезло стать метамагом, так? И ведь ты не демон, ты обычный человек.

– Повезло – не подходящее слово, – кивнул Люциус. – Мои родители были темными, и я у них родился через девять месяцев после очередного запрещенного ритуала. Они хотели обучить меня и использовать, как опасное оружие, но... скажем так, у них ничего не вышло.

– Что же случилось? – любопытовала я. Раньше я не слишком задумывалась о том, кто такой Люциус и откуда он вообще взялся, но сейчас, когда чародей с небывалой адекватностью вдруг стал рассказывать разные интересные вещи и даже упомянул своих родителей... это вызвало у меня огромный интерес к его персоне.

– Случились белые совы, тогда еще рукоположенные Клевора-громовержца, – поморщился маг. Видимо, ему было не очень приятно это вспоминать. – Они убили моих родителей,

когда мне было пятнадцать. Меня бы тоже убили, но я по странному стечению обстоятельств родился не темным колдуном, а обыкновенным магом с гигантской асимметрией. Меня отдали на обучение в академию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.